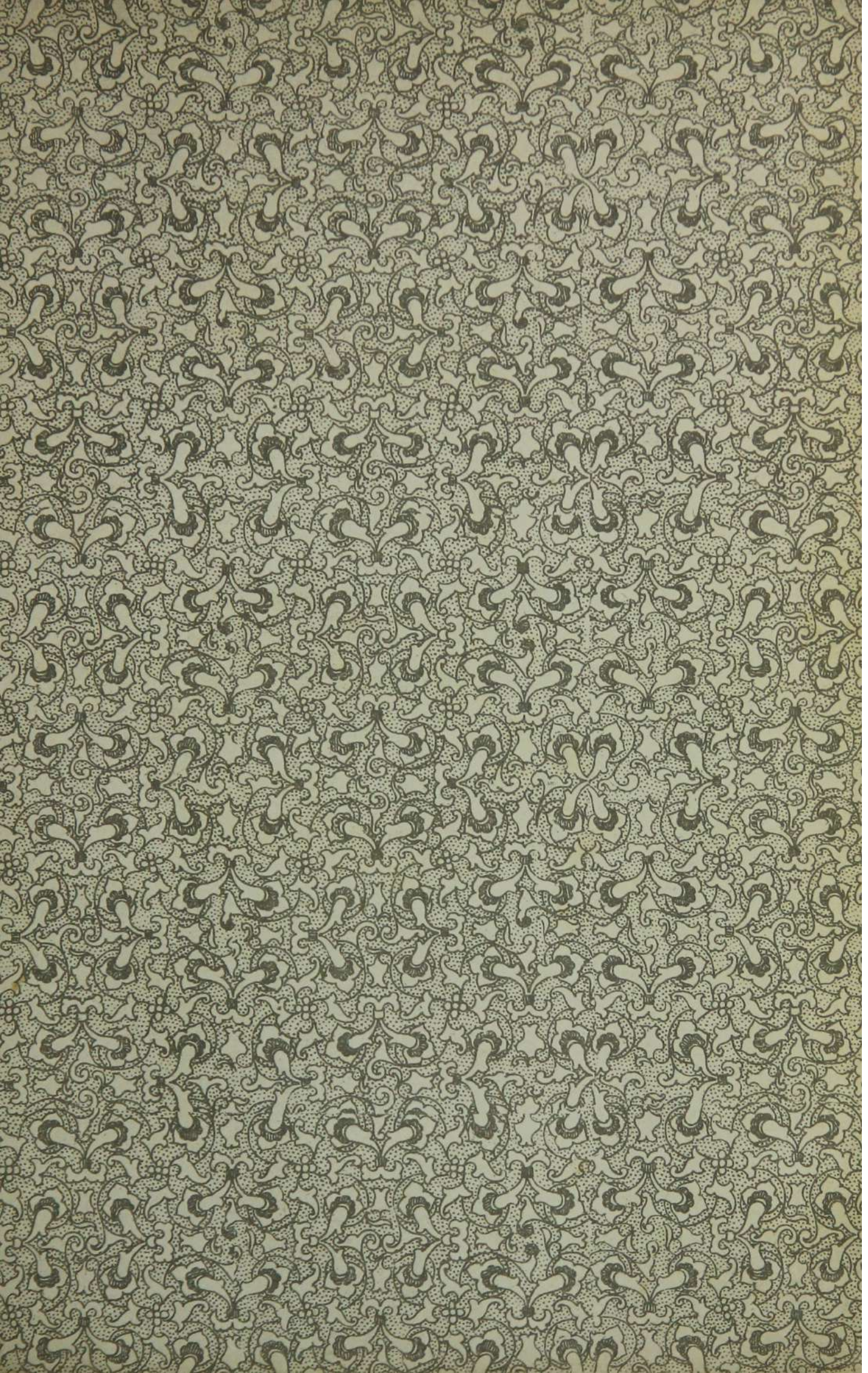
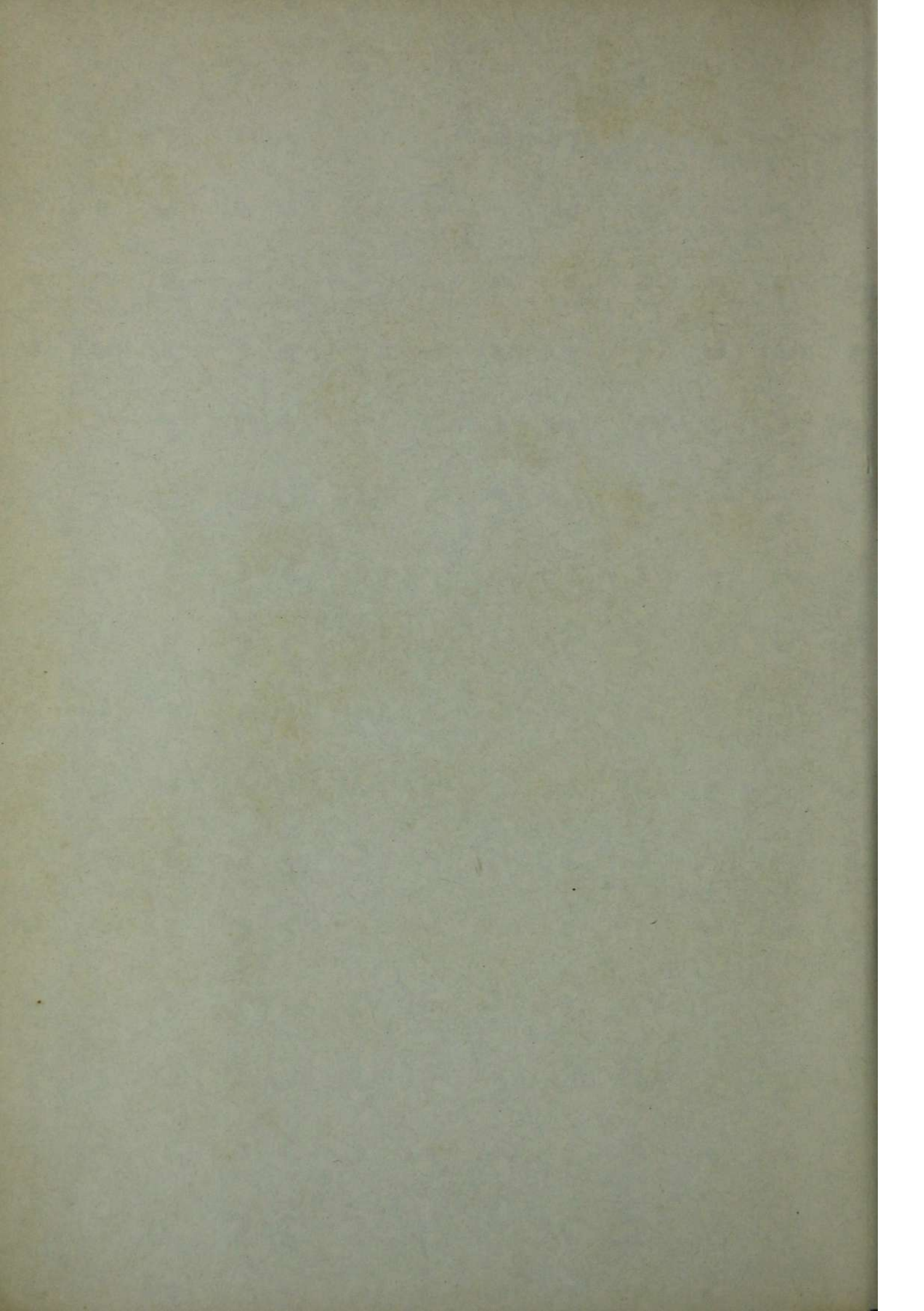

В. Трещовъ

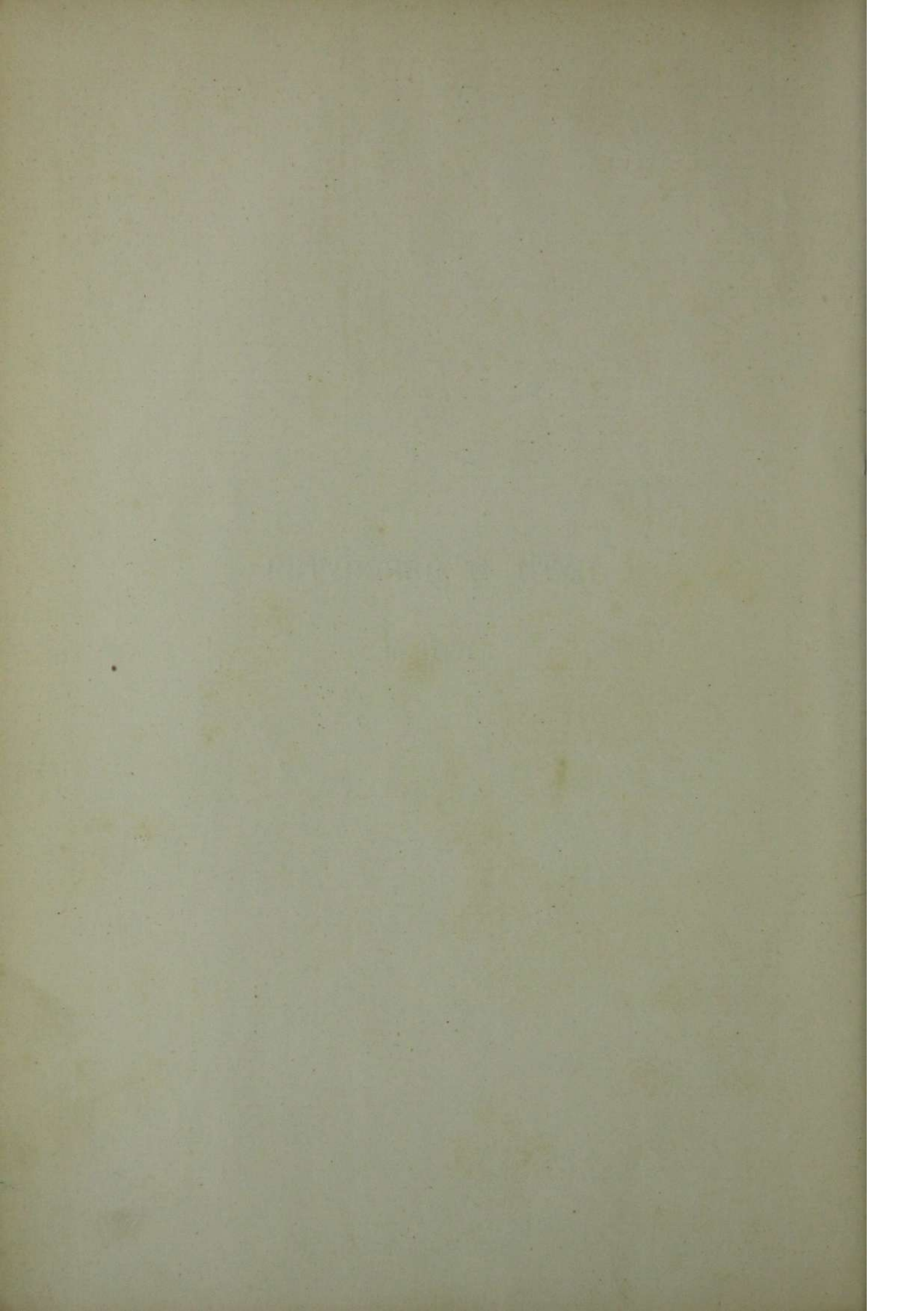

ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ

ТОМЪ Ш.

84(2-411.2)53
Б 89

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ

СОБРАНІЕ СТИХОВЪ.

ТОМЪ III.

ВСЪ НАПЪВЫ.

(1906/1909 г.)

ДАР
А. С. ПОЛЕВОГО

МОСКВА.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПИОНЪ».

1909.

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

77098

МБУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВЪ.

СБОРНИКИ СТИХОВЪ.

Chets d'Œuvre. (1894—1896 г.)	Распродано.
Meesmesse. (1896—1897 г.)	Распродано.
Tertia Vigilia. (1898—1900 г.)	Распродано.
Urbi et Orbi. (1900—1903 г.)	Распродано.
Stephanos. (1903—1905 г.)	Распродано.
Пути и Перепутья. Томъ I (1892—1901 г.)	Ц. 2 р.
Пути и Перепутья. Томъ II (1901—1905 г.)	Ц. 2 р.
Пути и Перепутья. Томъ III. (1906—1909 г.)	Ц. 2 р.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА.

Земная Ось. Разказы. (1901—1906 г.)	Ц. 1 р. 50 к.
Огненный Ангель. Повѣсть XVI в. Части I и II.	Ц. 3 р.

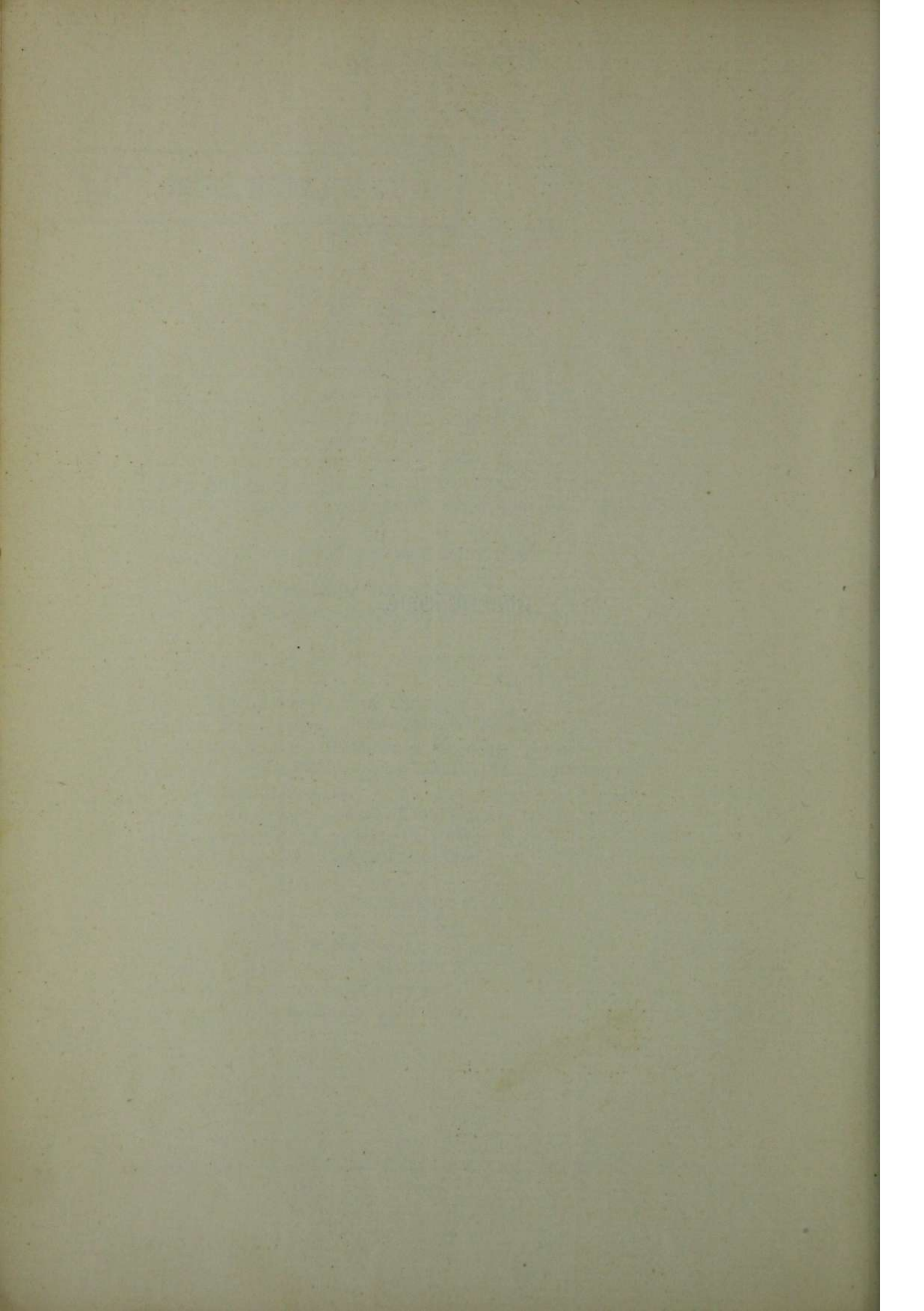
ПЕРЕВОДЫ.

Поль Верлэнъ. Романсы безъ словъ	Распродано.
Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности	Ц. 1 р. 50 к.
М. Мэтерлинкъ. Пеллеасъ и Мелизанда и стихи	Ц. 1 р.
Г. д'Аннунцио. Франческа да Римини. (Въ сотрудничествѣ съ Вяч. Ивановымъ)	Ц. 1 р. 50 к.
Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская.	Ц. — 80 к.
Французскіе лирики XIX вѣка.	Печатается.
Поль Верлэнъ. Собраніе стиховъ	Печатается.

ИЗСЛѢДОВАНИЯ И СТАТЬИ.

О Искусствѣ. Статьи	Распродано.
Письма Пушкина и къ Пушкину.	Ц. 1 р. 50 к.
Лицейскіе стихи Пушкина	Ц. 1 р.
Вѣхи. Статьи. (1900—1909 г.) 2 тома.	Печатается.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ III ТОМУ
ПУТЕЙ И ПЕРЕПУТІЙ.

И всѣ мои напѣвы еще подвластны мнѣ.
Urbi et Orbi.

Въ этомъ томѣ собраны мои стихи, написанные — за немногими исключеніями — въ 1906, 1907, 1908 году и въ первые дни 1909 года. Я нашелъ возможнымъ соединить ихъ, вмѣстѣ со стихами, написанными до 1906 года, въ одно собраніе подъ общимъ заглавіемъ „Пути и Перепутья“. Въ стихотвореніяхъ этого тома — тѣ же приемы работы, можетъ быть, нѣсколько усовершенствованные, тотъ же кругъ вниманія, можетъ быть, нѣсколько расширенный, какъ и въ стихахъ двухъ предыдущихъ томовъ. Я рѣшился даже сохранить для нѣкоторыхъ цикловъ стихотвореній заглавія, уже знакомыя моимъ читателямъ: „Вечеровыя пѣсни“, „Правда вѣчная кумировъ“, „Современность“, „Видѣнія“. Этимъ я хотѣлъ указать, что во многомъ этотъ сборникъ завершаетъ мои прежнія начинанія, или, вѣрнѣе, что онъ лучше разрѣшаетъ тѣ же задачи, за которыя, безъ достаточной подготовки, я брался и раньше. Но, конечно, другіе отдѣлы этой книги уже намѣчаютъ то направленіе, по которому теперь, по выраженію А. Фета, порывается моя Муза. Во всякомъ случаѣ, III томъ я считаю послѣднимъ томомъ „Путей и Перепутій“. Эти „пути“ пройдены мною до конца,

и менѣ всего склоненъ я повторять самого себя. Я увѣренъ, что въ поэзіи, и не только русской поэзіи, есть еще безконечное число задачъ, никѣмъ не рѣшенныхъ, темъ, почти никѣмъ не затронутыхъ, и средствъ, совершенно не использованныхъ.

Мнѣ остается сказать, что цѣлый рядъ стихотвореній въ этомъ сборникѣ появляется въ печати впервые. Многіе стихи я не считалъ возможнымъ печатать отдѣльно, внѣ ихъ связи съ цѣлымъ цикломъ или даже со всей книгой. Только на своемъ мѣстѣ, рядомъ съ другими, эти стихотворенія получаютъ свой истинный смыслъ. Особенно это относится къ стихотвореніямъ, собраннымъ въ отдѣлѣ, которому я долженъ былъ дать названіе „Эротика“, возвращая этому слову его первоначальное значеніе. Впрочемъ, распредѣленіе стиховъ по отдѣламъ нѣсколько зыбко и часто основано не на внутреннихъ особенностяхъ стихотворенія, а на обстоятельствахъ, вызвавшихъ его созданіе. Иначе врядъ ли и можетъ быть въ сборникѣ лирическихъ стихотвореній, изъ которыхъ каждое, въ какую бы форму оно ни было облечено, говорить, въ концѣ концовъ, лишь о томъ, что лично пережито на писавшимъ его.

Февраль, 1909.

Валерій Брюсовъ.

ВСѢ НАПѢВЫ.

(1906—1909).

ПОЭТУ.

Ты долженъ быть гордымъ, какъ знамя;
Ты долженъ быть острымъ, какъ мечъ;
Какъ Данту, подземное пламя
Должно тебѣ щеки обжечь.

Всего будь холодный свидѣтель,
На все устремляя свой взоръ.
Да будетъ твоя добродѣтель—
Готовность войти на костеръ.

Быть можетъ, все въ жизни лишь средство
Для ярко-пѣвучихъ стиховъ,
И ты съ безпечальнаго дѣтства
Ищи сочетанія словъ.

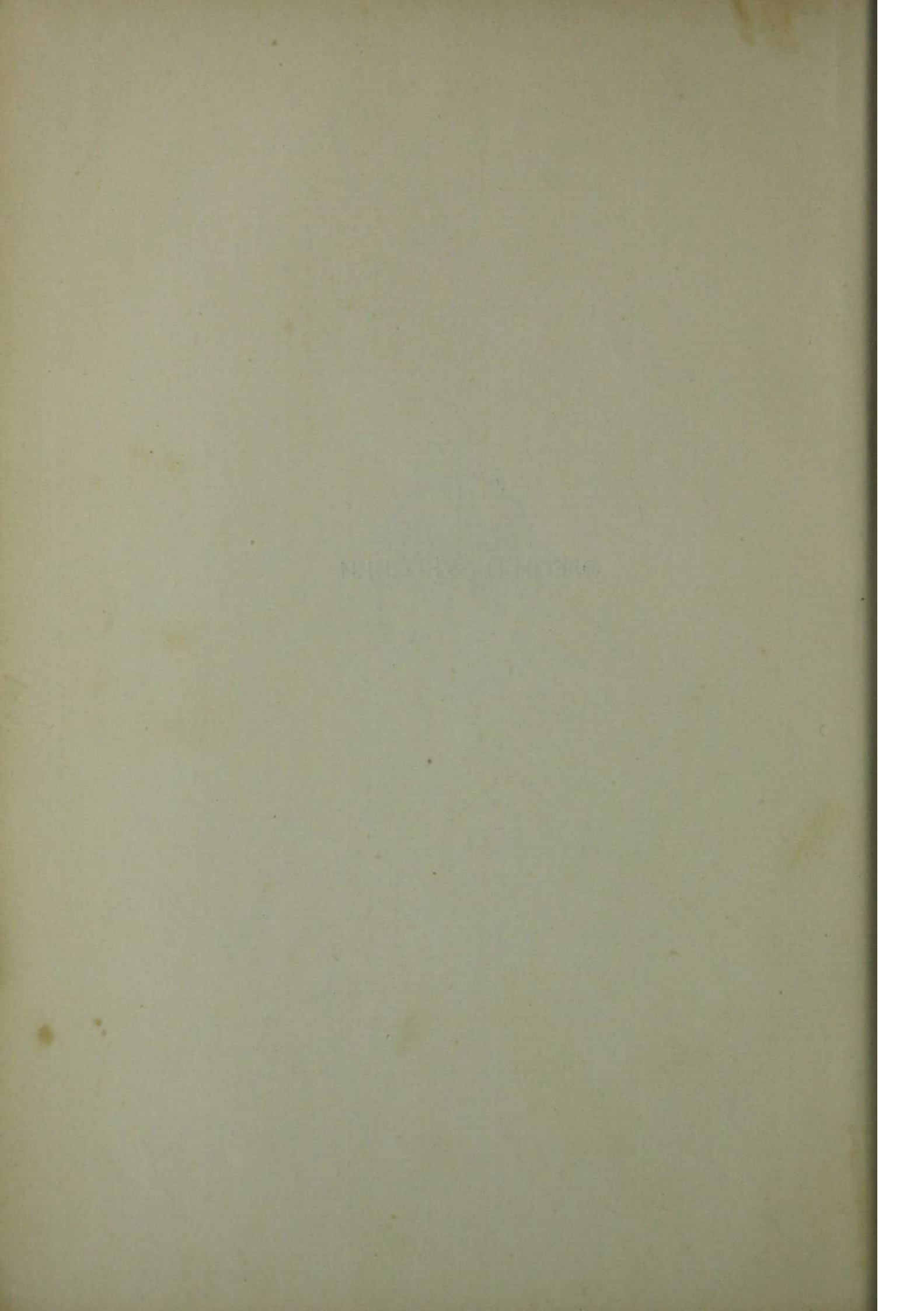
Въ минуты любовныхъ объятій
Къ безстрастью себя приневожь,
И въ часъ безпощадныхъ распятій
Прославь изступленную боль.

Въ снахъ утра и въ безднѣ вечерней
Лови, что шепнетъ тебѣ Рокъ,
И помни: отъ вѣка изъ терній
Поэта завѣтный вѣнокъ.

I

ЭЛЕГИ И БУКОЛИКИ.

ОДИНОЧЕСТВО.

Отступи, какъ отливъ, все дневное, пустое волнение,
Одиночество, стань, словно мѣсяцъ, надъ часомъ моимъ!
Слышу, тихо грохочутъ съ волной уходящей каменя,
Вижу, алый закатный туманъ превращается въ дымъ.

То въ алмазныхъ вѣнцахъ, то въ вѣнкахъ полевыхъ маргаритокъ,
То въ одеждахъ рабынь, то въ багряныхъ плащахъ королевъ,
То, какъ вѣтеръ, смѣясь, то съ лицомъ утомленнымъ отъ пытокъ,
Вкругъ меня наклоняется хоръ возвратившихся дѣвъ.

Взоръ вашъ ласковъ, какъ прежде, и шагъ, какъ бывало, размѣрень...
Значить, тотъ я, что былъ, если прошлый мнѣ мѣръ возвращень:
Подходите, шепчите: я былъ вамъ, и буду вамъ—вѣрень,
Никому не открою я вашихъ священныхъ именъ!

Къ вашимъ ласковымъ пальцамъ прижму воспаленныя вѣки,
Къ вашимъ грудямъ знакомымъ устало прильну головой...
Сестры! нѣжныя сестры! я въ дѣтствѣ вамъ клялся навѣки,
Только съ вами я счастливъ, и только межъ вами я свой!

Затихаетъ вдали успокоенный ропоть отлива,
На волнахъ потухаетъ змѣиностей лунныхъ игра,
И, въ вѣнкѣ маргаритокъ, склонясь надо мной, торопливо
Мнѣ разсказъ о прожитомъ въ разлукѣ—лепечеть сестра.

ВЕЧЕРОВЫЯ ПѢСНИ.

1. СУМЕРКИ.

Горятъ электричествомъ луны
На выгнутыхъ, длинныхъ стебляхъ;
Звенять телеграфныя струны
Въ незримыхъ и нѣжныхъ рукахъ;

Круги циферблатовъ янтарныхъ
Волшебно зажглись надъ толпой,
И жаждущихъ плитъ тротуарныхъ
Коснулся прохладный покой.

Подъ сѣтью плѣнительно-зыбкой
Притихъ отуманенный скверъ,
И вечеръ цѣлуетъ съ улыбкой
Въ глаза—проходящихъ гетеръ.

Какъ тихіе звуки клавира—
Далекіе ропоты дня...
О сумерки! милостью мира
Опять упоите меня!

2. ФЕВРАЛЬ.

Свѣжей и свѣтлой прохладой
Вѣтъ въ лицо мнѣ февраль.
Новыхъ желаній—не надо,
Прошлаго счастья—не жаль.

Нѣжно-жемчужныя дали
Чуть орумянилъ закатъ.
Какъ въ саркофагѣ, печали
Въ сладкомъ безстрастїи спятъ.

Нѣтъ, не укорь, не предвѣстье,—
Эти святыя часы!
Тихо пришли въ равновѣсье
Зыбкаго сердца вѣсы.

Мигъ между свѣтомъ и тѣнью!
День межъ зимой и весной!
Весь подчиняюсь движенью
Пѣсни, плывущей со мной.

3. У ГРОБА ДНЯ.

День обезсилѣлъ, и западъ багряный
Гордо смежилъ огневые глаза.
Бѣлы, какъ дымъ изъ камильницъ, туманы,
Строги, какъ сводъ храмовой, небеса.

Звѣзды мерцають, и кротки и пышны,
Какъ предъ иконами вѣнчики свѣчь.
Вѣтеръ прерывистый, вѣтеръ чуть слышный
Горестно шепчетъ прощальную рѣчь.

Скорбныя тѣни, окутаны чернымъ,
Вышли, влекутъ свой задумчивый хоръ,
Головы клонять въ молчаньи покорномъ,
Стелятъ надъ травами траурный флеръ.

Съ тѣнями вмѣстѣ склоняюсь у гроба
Шумно прошедшаго, яркаго дня.
Смолкните въ сердцѣ, восторги и злоба!
Тайна и миръ, осѣните меня!

4. ВЕЧЕРЪ СРЕДИ СНѢГОВЪ.

Вѣтъ нѣжная прохлада
Наступающей зимы.
Тѣло свѣжести такъ радо!
Взорамъ бѣлости такъ надо
Въ четкой рамѣ полутьмы!

Надъ равниной ярко-снѣжной
Мѣсяць въ небѣ воровитъ.
Все, какъ въ дѣтствѣ, безмятежно;
Все, какъ въ смерти, неизбѣжно,
Нѣтъ желаній, нѣтъ обидъ.

Путь мой вьется въ безконечность
Межъ полей, какъ мракъ, пустыхъ.
Въ думахъ милая безпечность,
И мечты ласкаетъ встрѣчность
Риѳмъ знакомыхъ и простыхъ.

5. БЫТЬ БЕЗЪ ЛЮДЕЙ.

Въ лицо мнѣ вѣетъ вѣтеръ нѣжащій,
На тучахъ алый блескъ погасъ,
И вновь, какъ въ вѣрное прибѣжище,
Вступаю я въ вечерній часъ.

Вотъ кто-то, съ ласковымъ пристрастіемъ,
Со всѣхъ сторонъ протянетъ тьму,
И я уплюсь послѣднимъ счастіемъ:
Быть безъ людей, быть одному!

НА ГРАНИТАХЪ.

1. КЪ ШВЕЦИИ.

Въ этомъ морѣ кто такъ щедро
Сѣвъ утесовъ разбросаль,
Кто провель проливы въ нѣдра
Вѣковѣчныхъ скаль?

Кто, художникъ, словомъ дивнымъ,
Возрастиль угрюмый боръ
По извивамъ непрерывнымъ
Матовыхъ озеръ?

Кто въ безлунной мглѣ столѣтій,
Какъ въ родной и вѣрный домъ,
Вель народъ на камни эти
Роковымъ путемъ?

Кто, подь вопли вьюги снѣжной,
Подь упорный зовъ зыбей,
Сохраниль сурово-нѣжный
Говоръ древнихъ дней?

Въ часъ раздумій, въ часъ мечтаній,
Въ тихій отдыхъ отъ заботъ,
Въ свѣтъ сѣверныхъ сіяній,
У мятежныхъ водъ,

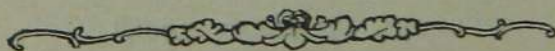
Кто-то создалъ эту сказку
Про озера и гранитъ,
И въ дали вѣковъ развязку
Вымысла таить!

2. НА МЭЛАРЪ.

Нѣжно вѣетъ свѣжій вѣтеръ,
Сладко млѣетъ свѣтлый Мэларъ,
Солнце медлитъ надъ закатомъ,
Озаривъ огнями даль,—
Въ небѣ, слабо-розоватомъ,
И въ водѣ, литой какъ сталь.

Здравствуй, прежній, свѣжій вѣтеръ,
Здравствуй, новый, свѣтлый Мэларъ,
Сосны темныя по склонамъ,
Пятна яркія листвы,
И надъ берегомъ зеленымъ,
Благость вѣчной синевы!

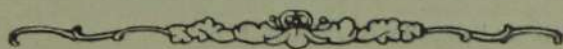
3. СТОКГОЛЬМЪ.

Словно надъ глубями зеркала,
Ты изъ гранита возникъ,
Въ зыби стремительной Мэлара
Свой разбивая двойникъ.

Сынъ вѣчно-женственной родины,
Весь ты въ любимую мать!
Трудно ль въ осанкѣ усвоенной
Нѣжность души угадать!

Ты, какъ сосна Далекарліи,—
Строенъ, задумчивъ и прямъ.
Годы тебя не состарили,
Снѣгомъ скользнувъ по кудрямъ.

Витязь плѣнительный Сѣвера,
Ты головой не поникъ!
Весело въ зеркалѣ Мэлара
Твой ускользаетъ двойникъ.

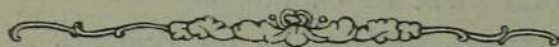
4. НА ГРАНИТАХЪ.

Снова догій тихій вечеръ.
Снова море, снова скалы.
Снова солнце искры мечетъ
Надъ волной роскошно-алой.

И не зная, здѣсь я, нѣтъ ли,
Чѣмъ дышу—мечтой иль горемъ,—
Западъ гаснетъ, пышно свѣтель,
Надъ безумно свѣтлымъ моремъ.

Имъ неслышенъ,—имъ, безстрастнымъ,—
Шопоть страсти, ропоть гнѣва.
Небо хочетъ быть прекраснымъ.
Море хочетъ быть—какъ небо!

Волны быстро нижуть кольца,
Кольца рдянаго заката...
Сердце! сердце! успокойся:
Все—навѣкъ, все—безъ возврата!

5. ВЪ МОРѢ.

Ночью свѣтлой, ночью бѣлой
Любо волнамъ ликовать,
Извиваться влажнымъ тѣломъ,
Косы пѣнныя взметать;

Хороводомъ въ плавной пляскѣ
Парусъ старый обходить,
За кормой играя въ прятки,
Вить серебряную нить;

И въ припадкахъ краткой грусти
(Лентой длинной сплетены)
Подставлятъ нагія груди
Золотымъ лучамъ луны;

А потомъ, дрожа отъ счастья,
Тихо вскрикивая вдругъ,
Въ глубину ронять запястья
Съ утомленныхъ страстью рукъ.

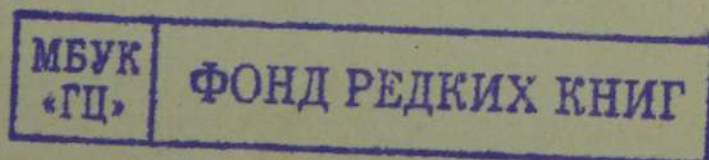

6. УГРЮМЫЙ ЧАСЪ.

На высяхъ дремлетъ боръ сосновый;
Глуха холодная волна;
Закатъ загадочно-багровый
Горитъ въ водѣ, какъ сонъ лиловый;
Угрюмость, блескъ и тишина.

Надъ гладью водъ орель усталый
Качаетъ крыльями, спѣша.
Его тревожитъ отблескъ алый,—
И вотъ на сумрачныя скалы
Онъ палъ, прерывисто дыша.

Ни паруса, ни дыма! Никнетъ
Свѣтъ, поглощаемый волной.
Порою только чайка крикнетъ,
И бѣлымъ призракомъ возникнетъ
Надъ озаренной глубиной.

7. НА ГОТЛАНДЪ.

Тошій мохъ, кустарникъ чахлый,
Искривленная сосна,
Камень, сумрачный и дряхлый,
Бѣлой пыли пелена...

Древней пылью посѣдѣли
Можжевельникъ и гранитъ.
Этотъ міръ достигъ до цѣли
И, какъ мудрый старецъ, спитъ.

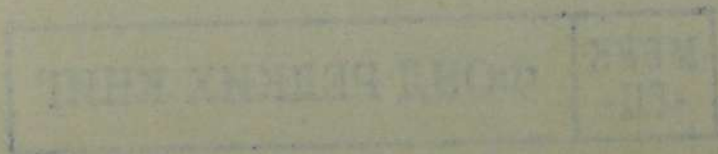
А за гранями обрывовъ
Волнъ восторженный разбѣгъ.
И на камняхъ, вдоль заливовъ,
Пѣна, чистая какъ снѣгъ.

8. ВИСБИ.

Старый Висби! Старый Висби!
Какъ твоихъ руинъ понятны—
Скорбь о годахъ, что погибли,
Сны о были невозвратной!

Снится имъ былая слава,
Въ морѣ синемъ городъ бѣлый,
Многошумный, многоглавый,
Полный смѣхомъ, полный дѣломъ;

Снится—въ гавани просторной
Флотъ, который въ мѣрѣ славенъ,
Паруса изъ Риги, Кельна,
Съ русскихъ, англійскихъ окраинъ;

Снится звонъ веселый въ праздникъ,
Звонъ двѣнадцати соборовъ,
Дѣвы—всѣхъ цвѣтковъ наряднѣй,
Площадь, шумная народомъ.

Жизнью новой, незнакомой
Не встревожить намъ руины!
Имъ видѣнья грустной дремы
Сохранили мѣрѣ старинный.

Съ ними тѣ же кругозоры,
И все то же море къ стѣнамъ
Стелеть синіе уборы
Съ кружевами бѣлой пѣны.

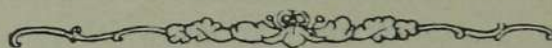

9. ПРИБОЙ.

Съ шумомъ на бѣлые камни
Черныя волны находятъ,
Мѣрно вставая рядами,
Пѣнныя головы клонятъ.

Море ночное—изъ дали
Валь за валами торопитъ,
Бѣлые камни—тѣлами
Мертвыхъ воителей кроетъ.

Моремъ упорнымъ, полночнымъ,
Властвуетъ духъ-разрушитель.
Съ шумомъ покорнымъ, немолчнымъ
Толпы идутъ на погибель.

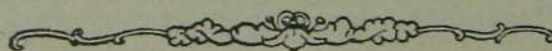

10. ЭХО.

Между горъ грохочетъ эхо
Убѣгающаго поѣзда.
Лунный глазъ то глянетъ слѣпо,
То опять межъ сосенъ скроется.

Сумракъ тайно сблизилъ вѣтви,
Сдѣлалъ скалы смутно-сѣрыми,
И внизу развѣсилъ сѣти
Надъ проливами и шхерами.

Воздвигаетъ ангелъ ночи
Храмъ божественнаго зодчества,
И прохлада вѣетъ въ очи
Вѣчной тайной одиночества.

II. ВЪ ШХЕРАХЪ.

Морской заливъ, вошедшій въ сушу
Такъ далеко,
Твою мечтательную душу
Понять легко!

Скалъ недвижной и холодной
Ты вѣсть принеси,
Что есть безумье зыбы водной
И буйство грезъ!

Но тамъ, гдѣ сосны сонно-строги
И мягокъ мохъ,
Ты слиль, безъ силъ, свои тревоги
Въ единый вздохъ.

Приникъ лицомъ къ зеленымъ склонамъ,
Въ истомѣ спишь,
И только чайки страннымъ стономъ
Тревожатъ тишь.

Stockholm.—Nynäshamn.—Wisby.
1906

ВЪ ПОЛѢ.

І. ВѢКЪ ЗА ВѢКОМЪ.

Взрываютъ весенніе плуги
Корявую кожу земли,—
Чтобъ осенью снѣжныя вьюги
Пустынный просторъ занесли.

Краснѣетъ лукаво гречиха,
Синѣетъ младенческой ленъ...
И снова все бѣло и тихо,
Лишь волки прохсдятъ какъ сонъ.

Колеблются нивы отъ гула,
Ихъ топчетъ озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Взрѣзаетъ имъ грудь бороздой.

А древніе прашуры зорко
Слѣдятъ за работой сыновъ,
Ветлой наклоняясь съ пригорка,
Туманомъ вставая съ луговъ.

И дальше тропой неизбежной,
Сквозь годы и бѣдствій и смуть,
Влечется, суровый, прилежный,
Вѣками завѣщанный трудъ.

2. ВЕСЕННІЙ ДОЖДЬ.

Надъ просторомъ позлащеннымъ
Пестрыхъ нивъ и дальнихъ рощъ,
Шумомъ робкимъ и смущеннымъ
Застучалъ весенній дождь.

Вѣтеръ гнетъ струи въ изгибы,
Словно стебли камыша,
Въ небѣ мечутся, какъ рыбы,
Птицы, къ пристани спѣша.

Солнце смотритъ и смѣется,
Гребни травокъ золотя...
Что жъ намъ, людямъ, остается
Въ мірѣ, зыбкомъ какъ дитя!

Съ солнцемъ смотримъ, съ небомъ плачемъ,
Съ вѣтромъ лугомъ шелестимъ...
Что мы знаемъ? что мы значимъ?
Мы—цвѣты! мы—мигъ! мы—дымъ!

Надъ просторомъ позлащеннымъ
Пестрыхъ нивъ и дальнихъ рощъ,
Шумомъ робкимъ и смущеннымъ
Прошумѣлъ весенній дождь.

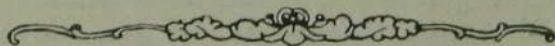

3. РАДУГА.

Семицвѣтнымъ полукругомъ
Ты взнеслась надъ влажнымъ лугомъ,
Утвердивъ въ травѣ края.
Мостъ, который въ доли наши
Вель Ириду съ горней чашей,
Знаю,—ты мечта моя!

Ты таилась въ капляхъ влаги,
Словно въ зыбкомъ саркофагѣ, —
Лучъ зиждительный дробя.
Ясный взоръ мой, Божье чудо,
Заглянувъ въ струи,—оттуда
Вывель, яркую, тебя!

Но, какъ греза о нездѣшнемъ,
Ты горишь надъ лугомъ вешнимъ,
Въ небѣ, радужнымъ вѣнцомъ.
И, творецъ передъ твореньемъ,
Преклонясь съ благоговѣньемъ,
Я тебѣ пою псаломъ!

4. АВГУСТЪ.

И первый листъ любезень падшій.

В я ч. И в а н о в ъ.

Здравствуй, Августъ, вѣнчанъ хмелемъ,
Смуглый юноша-сатиръ!
Мы ковры подъ дубомъ стелемъ,
Мы въ лѣсу готовимъ пиръ!

Будь межъ нами гость желанный,
За простымъ лѣснымъ столомъ.
Груды грушъ благоуханны,
Чаши пѣнятся виномъ.

Заплелись багрянцы клена
Въ золотую ткань дубовъ,
Но за ними—небосклона
Синій кругъ безъ облаковъ.

Словно этотъ плодъ созрѣлый,
Лѣто соками полно!
Пей же съ нами, чашей цѣлой,
Вѣчно жгучее вино!

Ты, серпы точившій въ полѣ,
Ты, поднявшій первый цѣпъ,
Славь недѣли полной воли,
Новый плодъ и новый хлѣбъ!

Августъ милый! отрокъ смуглый!
Какъ и мы, ты тоже пьянь.
Свечерѣло. Мѣсяць круглый
Озарилъ круги полянь.

Мы не споримъ, не ревнуемъ,
Припадая, какъ во снѣ,
Истомленнымъ поцѣлуемъ
Къ обнажившейся спинѣ.

5. ВЪ ЛУГАХЪ.

Задремаль пастухъ понурый
Надъ унылостью равнинъ.
Тучи медленны и хмуры,
Прѣеть мята, вѣетъ тминъ.

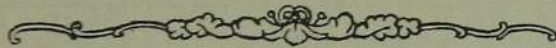
Спитъ пастухъ и смутно слышитъ,
Жвачку ровную коровъ,
А надъ соннымъ осень дышитъ
Чарой скошенныхъ луговъ.

Спитъ пастухъ, но въ тихомъ стадѣ
Есть другой сторожевой—
Въ бѣломъ дѣдовскомъ нарядѣ
И съ вѣнцомъ надъ головой.

Онъ пришелъ отъ ближней рѣчки,
Гдѣ дрожали тростники:
Передъ нимъ встають овечки,
На него глядятъ быки.

Лошадямъ онъ гривы гладить,
Жеребятъ собираетъ въ кругъ,
И со злой овчаркой ладить,
Какъ хозяинъ и какъ другъ.

Спитъ пастухъ, и дышитъ тминомъ,
И во снѣ видѣньямъ радъ...
Тихо бродитъ по долинамъ
Древній пастырь мѣстныхъ стадъ.

6. ОСЕННЕЕ ПРОЩАНІЕ ЭЛЬФА.

Въ небѣ благодать, въ небѣ радость, Солнце льетъ живую
 сладость, Солнцу—вѣрность, Солнцу—вздохъ!
Но листокъ родного клена, прежде сочный и зеленый, накло-
 нился и засохъ.

Въ небѣ снова ясность мая, облака уходятъ, тая, въ завле-
 кательную даль.
Но часы тепла короче, холоднѣй сырая почва, отлетѣвшихъ
 птичекъ жаль!

Ахъ! гдѣ тихо ропшутъ воды, вновь составить хороводы лег-
кихъ братьевъ и сестеръ!

Но никто не слышитъ зова, и гудитъ въ отвѣтъ, сурово, порѣ-
дѣвшій, строгій боръ.

Вѣютъ струи аромата, и по нивѣ, грустно сжатой, и по ско-
шеннымъ лугамъ,

Но ни бабочекъ блестящихъ, ни стрекозъ, въ лучѣ дрожа-
щихъ, не видать ни здѣсь, ни тамъ!

Гдѣ вы, братья! сестры, гдѣ вы! наши пляски и напѣвы—отзве-
нѣли, отошли!

Сгнбнуть эльфамъ легкокрылымъ, вмѣстѣ съ августомъ уны-
лымъ, вмѣстѣ съ прелестью земли!

Но сегодня въ небѣ радость! Солнце льетъ, прощаясь, сла-
дость! Солнцу—вѣрность, Солнцу—вздохъ!

Въ мигъ послѣдній, съ тѣмъ же гимномъ, здѣсь, въ лѣсу госте-
пріимномъ, упаду на сѣрый мохъ!

МГНОВЕНІЯ.

1. ЧАСЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Воспоминанье, съ нѣжной грустью,
Меня въ глаза цѣлуеть. День
Струей чуть слышной льется къ устью,
И на душу ложится тѣнь.

Вновь какъ морякъ, носимый моремъ,
Всю жизнь я вижу предъ собой,
Съ ея надеждами и горемъ,
Съ ея безумствомъ и мечтой.

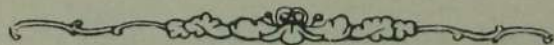
И, заслоня всѣ другіе,
Чуть зримы въ жуткой тишинѣ,
Двухъ женщинъ облики нѣмые
Во мглѣ склоняются ко мнѣ.

То съ дерзкой дрожью сладострастья,
Съ безстыднымъ отблескомъ въ зрачкахъ,
Манятъ меня видѣньемъ счастья,
Забытаго въ холодныхъ дняхъ;

То смотрять нѣжно и любовно,
И, не ревнуя, не кляня,
О всемъ погибшемъ плачуть, словно
И обо мнѣ и за меня!

И снова я изъ бездны черной
Стремлюсь къ далекимъ берегамъ,—
Но кто-то шепчетъ мнѣ упорно,
Что жребій свой я выбралъ самъ.

.....
День потонулъ во мглѣ безбрежной,
Кругомъ прибой грозящихъ струй...
Воспоминанье, съ грустью нѣжной,
Вновь близить страшный поцѣлуй.

2. КОТОРЫЙ РАЗЪ.

Опять весна. Знакомый кругъ
Замкнуть—который разъ!
И снова зелень вешній лугъ,
Въ росѣ—вечерній часъ.

Смотрю—какъ мѣсяць въ темный прудъ—
Въ зрачки любимыхъ глазъ,
Уста къ устамъ, дрожа, прильнуть...
Прильнуть—который разъ!

И будетъ мигъ, какъ долгій сонъ,
Качать, баюкать насъ.
Я странно счастливъ, я влюбленъ...
Влюбленъ! — который разъ?

И въ стройныхъ строфахъ вновь мечты
Поютъ — который разъ!
А мѣсяцъ смотритъ съ высоты —
Вѣковъ холодный глазъ.

3. ГРУСТНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Грустный сумракъ, грустный вѣтеръ, шелесты въ дубахъ.
Вспоминаетъ вечеръ о далекихъ снахъ.

Вѣтеръ шепчетъ, шепчетъ грустно чье-то имя мнѣ.
Звѣздамъ безпріютно въ черной вышинѣ.

Тотъ же вѣтеръ, гость осенній, всѣ мечты унесъ.
Въ сумракъ, какъ тѣни, образы березъ.

Сумракъ никнетъ, душу вяжетъ, вечеръ спитъ, я сплю.
Въ тишинѣ кто скажетъ тихое: люблю!

Черенъ сумракъ, вѣтеръ умеръ, умеръ гулъ въ дубахъ.
Въ тишинѣ что думать о погибшихъ снахъ!

4. СНЫ.

Сны играютъ на просторѣ,
Подъ магической луной.

Ө. Тютчевъ.

Спите, дѣти! спите, люди!
Въ тихой темнотѣ,
У земной, родимой груди,
Преданы мечтѣ!

Ваши грезы ночь уносить
Въ высь своей тропой.
Кроткій мѣсяцъ отблескъ бросить
На крылатый рой...

Что вамъ утро! Утромъ глянегъ
Безпощадный свѣтъ;
Утромъ душу снова ранить
Сталь людскихъ клеветъ.

Трудъ и дряхлая забота
Днемъ васъ стерегутъ,
Властно требуютъ отчета,
Произносятъ судь.

Днемъ стучать, стучать лопаты
У глухихъ могиль,
И во глубь вашъ духъ крылатый
Падаетъ безъ силъ.

Ночь васъ нѣжитъ, ночь уноситъ
Въ лучшей міръ мечты,
Гдѣ луна сіянемъ коситъ
Звѣздные цвѣты.

Спите, люди! спите, дѣти!
Грезамъ нѣтъ границъ!
Пусть летаютъ въ лунномъ свѣтѣ
Сны, какъ стаи птицъ!

5. УСТАЛОСТЬ.

Не дойти мнѣ! не дойти мнѣ! я усталъ! усталъ! усталъ!
Сушь степей гостепріимнѣй, чѣмъ уступы этихъ скалъ!

Всюду камни, только камни! мохъ да горная сосна!
Грудь гранита, будь мягка мнѣ! спой мнѣ пѣсню, тишина!

Вотъ роняю посохъ пыльный, вотъ упалъ, въ пыли простертъ,
Ротъ лежитъ, какъ прахъ могильный, тотъ, который былъ такъ гордъ!

Тамъ, за этимъ сѣрымъ кряжемъ, цѣль моихъ завѣтныхъ дней.
Я не встану первымъ стражемъ у Ея святыхъ дверей!

Не склонюсь, цѣлуя свято, въ Храмъ ведущую ступень...
Отъ Востока до Заката надо мной проходить день.

Солнце канетъ за уступомъ, ночь протянетъ черный шелкъ,
И сюда за новымъ трупомъ поползетъ за волкомъ волкъ.

Долго ль взоръ мой будетъ въ силахъ отражать ихъ натискъ злой?
Стынетъ кровь въ замерзшихъ жилахъ! словно факель предо мной!

Не дошелъ я! не свершилъ я — подвигъ свой! усталъ! упалъ!
Чу! шуршатъ угрюмо крылья духовъ мести между скаль!

6. АНГЕЛЪ БЛАГОГО МОЛЧАНІЯ.

МОЛИТВА.

Ангель благого молчанія,
Властно уста загради,
Въ часъ когда силой страданія
Сердце трепещетъ въ груди!

Ангель благого молчанія,
Радостнымъ быть помоги,
Въ часъ когда шумъ ликованія
Къ небу возносятъ враги!

Ангель благого молчанія,
Гордость въ душѣ оживи,
Въ часъ когда пламя желанія
Быстро струится въ крови!

Ангель благого молчанія,
Смолкнуть устамъ повели,
Въ часъ когда льнетъ обаяніе
Вѣчно любимой земли!

Ангель благого молчанія,
Душу себѣ покори,
Въ часъ когда брежжетъ сіяніе
Долго желанной зари!

Въ тихихъ глубинахъ сознанія
Свѣтятъ святыя огни!
Ангель благого молчанія,
Душу отъ словъ охрани!

7. ЛИКОРНЪ.

СОНЕТЪ.

Столѣтній боръ. Вечерній сумракъ зеленъ.
Мнѣ щеки нѣжитъ мохъ и мягкій дернъ.
Мелькаютъ эльфы. Гномы изъ расщелинъ
Гранита смотрятъ. Крадется ликорнъ.

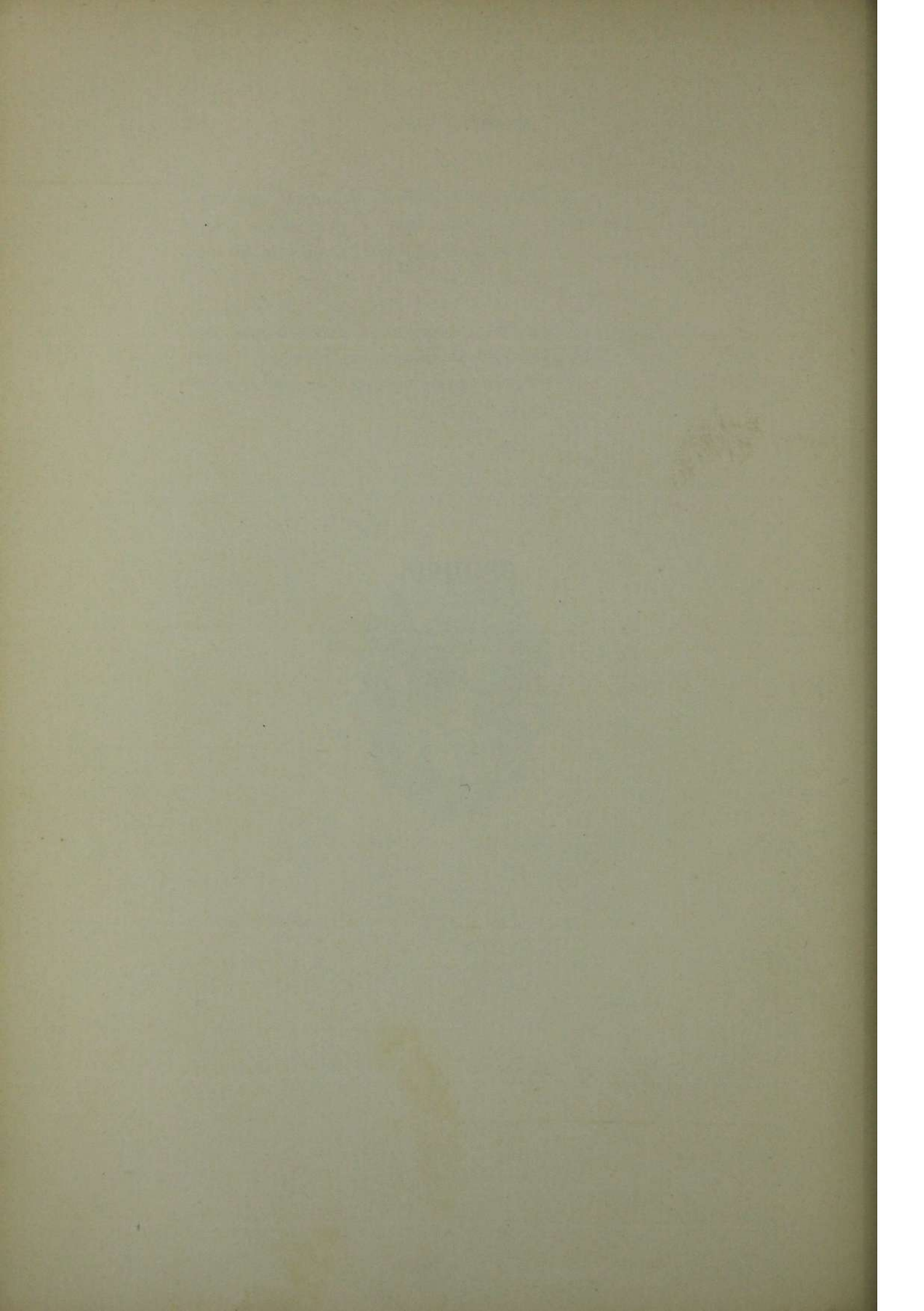
Зачѣмъ мой духъ не воленъ и не цѣленъ!
Зачѣмъ въ груди пылаетъ ярый горнъ!
Кто страсть мнѣ присудилъ? и кѣмъ онъ велѣнъ,
Суровый приговоръ безстрастныхъ норнъ?

Свободы! Тишины! Путемъ знакомымъ
Сойти въ пещеру къ празднующимъ гномамъ.
Иль съ дочерьми Царя Лѣснаго пѣть,

Иль мирно спать, со мхомъ, съ землей, съ гранитомъ...
Нѣтъ! голосомъ жестокимъ и несатымъ
Звучить во мнѣ, считая миги, мѣдь.

ЭРОТИКА.

ОТРЕЧЕНИЕ.

СЕКСТИНА.

Все кончено! Я понялъ безнадежность
Меня издавна мучившей мечты.
Мою любовь, и страсть мою, и нѣжность
Ни передъ кѣмъ я не пролью, — и ты,
Моя душа, смиришь свою мятежность,
Въ напрасной жадѣ вѣщей Красоты!

Какъ сладостно на голосъ Красоты,
Закрывъ глаза, стремиться въ безнадежность,
И бросить жизнь въ кипящую мятежность!
Какъ сладостно сгорѣть въ огнѣ мечты,
Въ безумномъ снѣ, гдѣ слиты „я“ и „ты“,
Гдѣ ранить на смерть лезвеями нѣжность!

Но въ мѣрѣ, гдѣ любовь на время,—нѣжность
Лишь оскорбленье вѣщей Красоты.
Не бейся, сердце! Въ этой жизни ты
Должно быть изъ желѣза! Безнадежность
Горитъ надъ обликомъ твоей мечты.
Смири, смири своей алчбы мятежность!

Достаточно позора! Всю мятежность
 Своихъ порывовъ помню! Помню нѣжность
 Своихъ признаній! Весь обманъ мечты!
 И что жъ! Во храмъ лживой красоты
 Я слышалъ, какъ смѣется Безнадежность,
 И самъ, въ отчаяннѣ, стоналъ: „Не ты!“

Царица думъ и всѣхъ желаній! Ты
 Не явишь лика. Взоровъ безмятежность
 Мнѣ не покажешь. Ты не примешь нѣжность
 Моихъ усталыхъ губъ. Ты „безнадежность“
 Дашь мнѣ девизомъ. Тайну Красоты
 Дано мнѣ знать лишь въ призракъ мечты.

И буду я надъ пропастью мечты
 Стоять, склоняясь, повторяя: „ты?“
 Любуясь ликомъ вѣщей Красоты.
 И пусть звучить въ моихъ стихахъ мятежность!
 Тамъ вся любовь, вся страсть моя, вся нѣжность,—
 Но ихъ, смѣясь, вѣнчаетъ Безнадежность.

"ΕΡΩΣ ἈΝΙΚΑΤΕ ΜΑΧΑΝ.

1. ВСТРѢЧА.

Близъ медлительнаго Нила, тамъ, гдѣ озеро Мерида, въ
царствѣ пламеннаго Ра,
Ты давно меня любила, какъ Озириса Изида, другъ, ца-
рица и сестра!
И клонила пирамида тѣнь на наши вечера.

Вспомни тайну первой встрѣчи, день, когда во храмѣ
пляски увлекли насъ въ темный кругъ,
Чась, когда погасли свѣчи, и когда, какъ въ странной
сказкѣ, каждый каждому былъ другъ,
Наши рѣчи, наши ласки, счастье, вспыхнувшее вдругъ!

Развѣ ты, въ сіяньи бала, легкій станъ склонивъ мнѣ
въ руки, черезъ завѣсу времянь,
Не разслышала кимвала, не постигла гимновъ звуки и
толпы отвѣтный стонъ?
Не сказала, что разлуки—кончень, кончень долгій сонъ!

Наше счастье—прежде было, наша страсть—воспоминанье,
 наша жизнь—не въ первый разъ,
 И, за временной могилой, неугасшія желанья съ прежней
 силой дышать въ насъ,
 Какъ близъ Нила, въ часъ свиданья, въ роковой и крат-
 кой часъ!

2. НЕИЗБЪЖНОСТЬ.

ОКТАВЫ.

Не все ль равно, была ль ты мнѣ вѣрна?
 И былъ ли вѣренъ я, не все равно ли?
 Не нами наша близость рѣшена,
 И взоры уклонить у насъ нѣтъ воли.
 Я вновь дрожу, и снова ты блѣдна,
 Въ предчувствіи неотвратимой боли.
 Мгновенья съ шумомъ льются, какъ потокъ,
 И страсть надъ нами вносить свой клинокъ.

Кто бъ насъ ни создалъ, жаждущихъ другъ друга,
 Богъ или Рокъ, не все ли намъ равно!
 Но мы—въ чертъ магическаго круга,
 Заклятіе надъ нами свершено!
 Мы клонимся отъ счастья и испуга,
 Мы падаемъ,—два якоря на дно!
 Нѣтъ, не случайность, не любовь, не нѣжность,—
 Надъ нами торжествуетъ—Неизбѣжность.

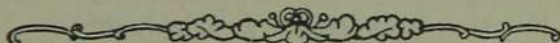
3. ЕЯ КОЛѢНИ...

РОНДО.

Ея колѣни я цѣлую. Тѣни
Склоняются, цѣлуя насъ двоихъ.
Весь міръ вокругъ застѣнчиво затихъ.
Мы—вымыселъ безвѣстныхъ вдохновеній,
Мы—старого рондо пѣвучій стихъ.

Пѣвецъ забытый! Братъ времянь святыхъ!
Ты пѣснѣ ввѣрилъ жалобы и пени,
И вотъ сегодня мнѣ поютъ твой стихъ
Ея колѣни.

„Въ вѣнкѣ изъ терній дни мои; межъ нихъ
„Одинъ лишь часъ въ уборѣ изъ сирени.
„Какъ Суламиѳи—домъ, гдѣ спитъ женихъ,
„Какъ Александру—дверь въ покой къ Еленѣ,
„Такъ были сладостны для губъ моихъ
Ея колѣни.“

4. ЛИШЬ ОДНОГО!

ГАЗЭЛЛА.

Лишь одного: я быть съ тобой хочу!
Съ твоей мечтой слить трепеть свой—хочу!

Надъ глубиоу глазъ повиснувъ въ высотѣ,
Дышать ихъ ночью, влажной тьмой—хочу!

Въ гробу объятій, въ жуткой тѣснотѣ,
Услышать близко сердца бой—хочу!

Вдвоемъ спѣшить къ мучительной метѣ,
И вмѣстѣ пасть у цѣли той—хочу!

Какъ палачу, отдаться красотѣ,
И съ плахи страсти крикнуть: „твой!“—хочу!

5. ПРИЗРАКЪ НЕИЗБѢЖНЫЙ.

ТРИОЛЕТЫ.

Твой ликъ, загадочный и нѣжный,
Какъ отраженье въ глубинѣ,
Склонился медленно ко мнѣ.
Твой ликъ, загадочный и нѣжный,
Возникъ въ моемъ тревожномъ снѣ.
Встрѣчаю призракъ неизбѣжный:
Твой ликъ загадочный и нѣжный,
Какъ отраженье въ глубинѣ.

Твои уста, какъ уголь жгучій,
Язвятъ мнѣ очи, плечи, грудь,
И сладко мнѣ въ огнѣ тонуть.
Твои уста—какъ уголь жгучій!..
Мой сонъ! полнѣй и ярче будь,
Томи меня, пали и мучай!
Твои уста, какъ уголь жгучій,
Язвятъ мнѣ очи, плечи, грудь.

Неспѣшный ужасъ сладострастья,
Какъ смертный холодъ лезвея,
Вбираетъ жадно жизнь моя.
Неспѣшный ужасъ сладострастья
Растетъ, какъ бури шумъ, —и я
Благословляю стономъ счастья
Неспѣшный ужасъ сладострастья,
Какъ смертный холодъ лезвея.

6. ВЪ ПОТОКЪ.

Я былъ простертъ, я былъ какъ мертвый. Ты богомольными
руками мой станъ безвольный обвила,
Ты распаленными устами мнѣ грудь и плечи, лобъ и губы,
какъ краснымъ углемъ, обожгла.

И, множа странные соблазны, мѣняя ликъ многообразный,
въ меня впиваясь сотней жалъ,
Духъ непокорный съ башни черной ты сорвала рукой упор-
ной, и съ нимъ низринулась въ проваль.

Въ безсильи падая, лишь крылья я видѣлъ надъ собой—да
алый, отъ свѣжей крови влажный, ротъ.
И скалы повторяли крики, и чьи-то поблѣднѣли лики, и пали
мы въ водоворотъ.

И я не спорилъ съ темнымъ Рокомъ. Мой трупъ неистовымъ
 потокомъ несло по остріямъ камней,
 И когти мнѣ терзали тѣло, и сердце слабое нѣмѣло, и ужасъ
 былъ въ душѣ моей.

Но въ мигъ послѣдній онѣмѣнья, вдругъ совершилось воз-
 рожденье, и успокоенный потокъ
 Внезапно, съ нѣжностью небрежной, мой трупъ, страданьемъ
 искаженный, отбросилъ сонно на песокъ.

7. БЛАГОСЛОВЕНІЕ.

Que tes mains soient bénies,
 car elles sont impures!

Remy de Gourmont.

Сіянье глазъ твоихъ благословляю!
 Въ моемъ бреду свѣтило мнѣ оно.

Улыбку устъ твоихъ благословляю!
 Она меня пьянила, какъ вино.

Твоихъ лобзаній ядъ благословляю!
 Онъ отравилъ всѣ думы и мечты.

Твоихъ объятій серпъ благословляю!
 Все прошлое во мнѣ имъ сжала ты.

Огонь любви твоей благословляю!
Я радостно упаль въ его костерьъ.

Весь мракъ души твоей благословляю!
Онъ надо мной свое крыло простеръ.

За все, за все тебя благословляю,
За скорбь, за боль, за ужасъ долгихъ дней,

За то, что влекся за тобою къ Раю,
За то, что стыну у его дверей!

8. КЪ ПАСИФАЪ.

СОНЕТЪ.

Нѣтъ, не тебя такъ рабски я ласкаю!
Въ тебѣ я женщину покорно чту,
Земной души завѣтную мечту,
За ней влекусь къ предсказанному раю!

Я чту въ тебѣ твою святыню,—ту,
Чей ясный лучъ сквозь дымъ я прозрѣваю.
Я, упоивъ тебя, какъ Пасифаю,
Подъемлю взоръ къ тебѣ, какъ въ высоту!

Люби иль смѣйся,—счетовъ нѣтъ межъ нами,—
Я все равно приду ласкать тебя!
Меня спасая и меня губя,

На всѣхъ путяхъ, подъ всѣми именами,
Ты—воплощенье тайны міровой,
Ты—мой Грааль, я—вѣрный рыцарь твой!

МЕРТВАЯ ЛЮБОВЬ.

1. РАННЯЯ ОСЕНЬ.

Ранняя осень любви умирающей.
Тайно люблю золотые цвѣта
Осени ранней, любви умирающей.
Вѣтви прозрачны, аллея пуста,
Въ сини блѣднѣющей, вѣющей, тающей
Странная тишь, красота, чистота.

Листья со вздохомъ, подъ вѣтромъ, ихъ нѣжащемъ,
Тихо взлетаютъ и катятся вдаль,
(Думы о прошломъ въ видѣнїи нѣжащемъ).
Жить и не жить — хорошо и не жаль.
Острымъ серпомъ, безболѣзненно рѣжущимъ,
Сжаты въ душѣ и восторгъ и печаль.

Ясное солнце—безъ прежней мятежности,
Дождь—словно капли струящихся росъ,
(Томная ласки безъ прежней мятежности),
Запахъ, въ садахъ, доцвѣтающихъ розъ.
Въ сердцѣ родникъ успокоенной нѣжности,
Счастье—безъ ревности, страсть—безъ угрозъ.

Здравствуйте, дни, голубые, осенніе,
Золото липъ и осинъ багрянецъ!
Здравствуйте, дни, предъ разлукой, осенніе!
Блѣдный—надъ яркими днями—вѣнецъ!
Дни недосказанныхъ словъ, и мгновенія
Въ кроткой покорности слитыхъ сердець!

2. НА НѢЖНОМЪ ЛОЖѢ.

Ты пѣсень ждешь?—Царица, нѣтъ ихъ!
Въ душѣ нѣтъ словъ, огня—въ умѣ.
А сколько громкихъ, сколько спѣтыхъ —
Все о тебѣ—въ моей тюрьмѣ!

Одна мечта, одна тревога
Была со мной въ аду моемъ:
Сойдешь ли ты, какъ ангелъ Бога,
Ко мнѣ, сегодня, съ палачомъ?

И свѣтъ являлся. Тамъ, у двери,
Рабы сдвигали копья въ строй,
А ты, подобная пантерѣ,
Свой бичъ вносила надо мной.

О, этотъ бичъ! Онъ былъ такъ сладокъ!
Пьянилъ онъ, какъ струя вина!
И ты,—загадка изъ загадокъ!—
Давала кубокъ пить до дна!

Восторгъ былъ—въ каждомъ содроганьи,
И стонъ мой—исторгала страсть.
Я исчезалъ въ одномъ желаньи:
Куда-то ниже, ниже пасть...

Ты уходила. На соломѣ
Я былъ простертъ, чуть живъ, въ крови,
И пѣлъ въ ласкательной истомѣ
Глаза прекрасные твои!

О, сколько пѣсень! Эти звуки
Надъ яснымъ прошлымъ—какъ вѣнцы.
Пусть эта грудь и эти руки
Хранятъ священные рубцы!..

.....
И вотъ я здѣсь, на нѣжномъ ложѣ.
Къ моимъ устамъ ты жмешь уста!
Ты вся со мной... Царица! что же!
Гдѣ боль? гдѣ пѣсня? гдѣ мечта?

3. СНОВА.

Почему мы снова связаны
Страсти пламеннымъ жгутомъ?
Иль не всѣ слова досказаны
Въ черномъ, призрачномъ быломъ?

Почему мы снова вброшены
 вмѣстѣ въ тайну темноты?
 Иль не всѣ надежды скошены,
 словно осенью цвѣты?

Мы, безвольные, простертые,
 вновь—на ложѣ страстныхъ мукъ.
 Иль въ могилѣ двое, мертвые,
 оплели изгибы рукъ?

Или тѣни безтѣлесныя,
 давней страсти не забывъ,
 все хранятъ объята тѣсныя,
 длятъ безсмысленный порывъ?

Боже сильный, власть имѣющій,
 воззови насъ къ жизни вновь,—
 иль оставь въ могилѣ тлѣющей,—
 страшень, страшень сонъ ясиѣющій,
 наша мертвая любовь!

4. ВЪ ПОЛНОЧЬ.

Появь! мы въ раю!
 Stephanos.

— „Ты—мой, какъ прежде?“ — „Твой, какъ прежде!“
 — „Ты счастливъ?“ — „Счастливъ.“ — „Все, какъ прежде!“

Полночь въ стекла сонно бьетъ.
 Ночь свершаетъ свой обходъ.

— „Цѣлуй меня! Цѣлуй, какъ прежде!“

— „Тебя цѣлую я, какъ прежде!“

Заступъ въ землю глухо бьетъ.

Ночь свершаетъ свой обходъ.

— „Мы въ мірѣ лишь вдвоемъ, какъ прежде?“

— „Да, въ мірѣ лишь вдвоемъ, какъ прежде.“

Кто сказалъ, что гробъ несутъ?

Четокъ, четокъ стукъ минутъ!

— „А гдѣ жъ блаженство, то, что прежде?“

— „Блаженство было, прежде, прежде!“

Чу! земли за комомъ комъ.

Ночь застыла за окномъ.

— „Иль мы въ могилѣ, вновь, какъ прежде?“

— „Да, мы въ могилѣ, вновь, какъ прежде.“

Вѣтеръ травы сонно мнетъ.

Ночь свершаетъ свой обходъ.

5. ХОЛОДЪ.

Холодъ, тѣло тайно сковывающій,
Холодъ, душу очаровывающій...

Отъ луны лучи протягиваются,
Къ сердцу иглами притрагиваются.

Въ этомъ блескѣ—все осилившая власть,
Умираетъ обезкрылѣвшая страсть.

Все во мнѣ—лишь смерть и тишина,
Цѣлый міръ—лишь твердь и въ ней луна.

Гаснутъ въ сердцѣ не взлелѣянные сны,
Гибнутъ цвѣтики осмѣянной весны.

Снѣгъ сѣтями разстилающимся
Вьетъ надъ днями забывающимся,

Надъ послѣдними привязанностями,
Надъ святыми недосказанностями!

6. УМИРАЮЩІЙ КОСТЕРЪ.

Бушуетъ вьюга и взметаеъ
Вихрь надъ слабѣющимъ костромъ;
Холодный снѣгъ давно не таетъ,
Ложась вокругъ огня кольцомъ.

Но мы, прикованные взглядомъ
Къ послѣдней, черной головнѣ,
На ложе смерти никнемъ рядомъ,
Какъ въ нѣжномъ и счастливомъ снѣ.

Пусть молкнутъ зовы безъ отвѣта,
Пусть торжествуютъ ночь и ледь, —
Во снѣ мы помнимъ праздникъ свѣта,
Да искръ безумный хороводъ!

Ликуеъ вьюга, давить тупо
Намъ грудь фатой изъ серебра, —
И къ утру будемъ мы два трупа
У замеченнаго костра!

7. ИЗЪ ТИХИХЪ БЕЗДНЪ.

Изъ тихихъ безднъ — къ тебѣ послѣдній крикъ,
Изъ тихихъ безднъ, гдѣ твой завѣтный ликъ,
Какъ призракъ жизни надо мной возникъ.

Сомкнулся пологъ голубой воды,
И свѣтитъ странно въ окна изъ слюды
Медузы блескъ и блескъ морской звѣзды.

Среди коралловъ и гранитныхъ глыбъ
Сіяютъ стаи разноцвѣтныхъ рыбъ.
Знакомый міръ—ушелъ, отцвѣлъ, погибъ.

Я смертно стыну въ неотступномъ снѣ...
Зачѣмъ же ты, въ холодной глубинѣ,
Какъ призракъ жизни, клонишься ко мнѣ?

Я въ тихихъ безднахъ помню прошлый рай.
Изъ тихихъ безднъ къ тебѣ мой крикъ,—внимай:
Въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ,—прощай!

ОБРЕЧЕННЫЙ.

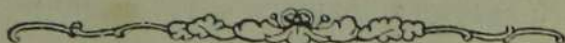

1. ГОЛОСЪ.

„Ты—мой, моей рукой отмѣченъ,
И я, увѣренная, жду.
Играй, безуменъ и безпечень,
Отъ счастья смѣйся, плачь въ бреду.—
Ты вдругъ очнешься, въ часъ закатный,
Поймешь мой зовъ, лишь сердцу внятный,
И съ воплемъ крикнешь мнѣ: иду!

Ты многимъ клялся: буду вѣренъ!
Ты многимъ говорилъ: я—твой!
Но неизмѣненъ и размѣренъ
Событій трепеть роковой.
Что было,—только предвѣщанья,
Что было,—лишь знаменованья
Того, что быть должно со мной!

Ты самъ не понялъ, не извѣдалъ
Своей послѣдней глубины,
Ты душу радости предалъ,
Какъ зыби медленной волны.
Я жду тебя съ мечомъ разящимъ.
Въ быломъ, въ грядущемъ, въ настоящемъ—
Мнѣ дни твои обречены!“

2. ОТВѢТЪ.

Остро и пламенно ранить
Взоръ твой, блестящій клинокъ.
Сердце искать не устанеть.
Сердце,— какъ въ маѣ цвѣтокъ.
Снова ли душу обманеть
Богомъ назначенный срокъ?

Року иду я на встрѣчу,
Взоръ упирая во взоръ:
Рыцарь— въ жестокою сѣчу,
Вѣрный— на ярый костеръ.
Ты позовешь,— я отвѣчу,
Скажешь,— приму приговоръ.

Долго я ждалъ. Неужели
Дрогнетъ и эта рука?
Строгія струны пропѣли,
Цѣль моей жизни близка.
Ближе я... ближе... у цѣли...
А! синій отблескъ клинка!

3. ОСЕНЬЮ.

Небо ярко, небо сине
Въ чистомъ золотѣ вѣтвей,
Но струится тѣнь въ долинѣ,
И звенить вокругъ чуть слышно
Нѣжный зовъ— не знаю чей.

Это призракъ или птица
Бѣло рѣгетъ въ вышинѣ?
Это осень или жрица,
Въ ризѣ пламенной и пышной,
Наклоняетъ ликъ ко мнѣ?

Слышу, слышу: ты пророчишь!
Тихій путь не уклоня,
Я исполню все, что хочешь!
Эти яркія одежды,
Понялъ, понялъ,—для меня!

Это ты—на смертномъ ложѣ
Ждешь покорнаго тебѣ!
Пусть же тѣнь ложится строже!
Я иду, закрывши вѣжды,
Вѣренъ Тайнѣ и Судьбѣ.

4. ЛУННЫЙ ДЬЯВОЛЪ.

Лунный дьяволъ, блѣдно матовые,
Наклонилъ къ землѣ рога.
Взоры, призрачно-агатовые,
Смотрятъ съ неба на снѣга,
Словно тихо міръ захватывая
Въ сѣти хитраго врага.

Руки, тонкой сѣтью сдавленные,
Безъ надеждъ упали ницъ,
Рѣютъ тѣни новоявленные,
Словно стаи пестрыхъ птицъ.
Вижу вспышки молній, вправленные
Въ бархатъ сумрачныхъ рѣсницъ.

Знаю, знаю:— крѣпко скрученного
Опрокинешь ты во мглу,
Къ синимъ молніямъ приученного,
Покоришь глухому злу,
И потомъ въ врага замученного
Кинешь вѣрную стрѣлу!

Лунный дьяволъ! Блѣдно матовые.
Наклони къ землѣ рога!
Взоры, призрачно агатовые,
Съ высоты вонзи въ снѣга,
И меня и міръ захватывая
Въ сѣть коварнаго врага!

5. СЕБАСТІАНЪ.

На медленномъ огнѣ горишь ты и сгораешь,
Душа моя!
На медленномъ огнѣ горишь ты и сгораешь,
Свой стонъ тая.

Стоишь, какъ Себастьянъ, пронизанный стрѣлами,
Безъ силъ вздохнуть.

Стоишь, какъ Себастьянъ, пронизанный стрѣлами
Въ плечо и грудь.

Твои враги кругомъ, съ веселымъ смѣхомъ, смотрять,
Сгибая лукъ.

Твои враги кругомъ, съ веселымъ смѣхомъ, смотрять
На смѣны мукъ.

Горитъ костеръ, горитъ, и стрѣлы жалятъ нѣжно
Въ вечерній часъ.

Горитъ костеръ, горитъ, и стрѣлы жалятъ нѣжно
Въ послѣдній разъ.

Что жъ не спѣшитъ она къ твоимъ устамъ предсмертнымъ,
Твоя мечта?

Что жъ не спѣшитъ она—къ твоимъ устамъ предсмертнымъ
Прижать уста!

6. ВИДѢНІЕ.

Въ сумракѣ вечера ты—неподвижна,
Въ бѣломъ священномъ вѣнцѣ.

Въ сумракѣ вечера мнѣ непостижна
Скорбь на спокойномъ лицѣ.

Двое мы. Сумракъ холодный, могильный
Выдалъ мнѣ только тебя.

Двое мы. Или одинъ я, безсильный,
Медлю во мракѣ, скорбя?

Смотришь ты строгимъ и вдумчивымъ взоромъ...

Это прощанье иль зовъ?

Смотришь ты въ сердце съ безгнѣвнымъ укоромъ,

Словно изъ глуби вѣковъ.

Ты ль это? та, передъ кѣмъ, какъ предъ тайной,

Робко склонялись мечты?

Ты ль это здѣсь, или призракъ случайный:

Лучъ и игра темноты?

Медлю во мракѣ, глухомъ и глубокомъ,

Не отзываюсь, скорбя...

Медлю, вѣдь если ты послана Рокомъ,

Мнѣ не уйти отъ тебя!

7. БОЙ.

Нѣтъ, не могу покориться тебѣ!

Нѣтъ, буду вѣренъ послѣдней судьбѣ!

Та, кто придетъ, чтобы властвовать мной,—

Приметь мой вызовъ на яростный бой.

Словно Брунгильда, приступить ко мнѣ;
Ликъ ея будетъ—какъ призракъ въ огнѣ.

Щитъ въ ея легкой рукѣ проблеститъ,—
Съ трескомъ расколется твердый мой щитъ.

Тщетно свой мечъ подниму на нее,—
Въ панцырь мой вражье вонзится копье.

Шлемъ мой покатится, грустно звеня.
Вражья рука опрокинетъ меня.

И, окровавленъ, безъ силъ, чуть живой,
Радостно крикну изъ праха: „Я—твой!“

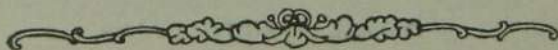
8. LA BELLE DAME SANS MERCI.

Я не покрылъ лица забраломъ,
Не поднялъ твердаго щита,—
Я ждалъ одинъ, надъ темнымъ валомъ,
Гдѣ даль безмолвна и пуста.
Я звалъ: „Стрѣла чужого стана,
Взнесись и жизнь мою скоси!
Ты мнѣ предстань во мглѣ тумана.
La belle dame sans merci!“

Свершалъ я тайные обряды
Предъ алтаремъ въ молчаньи заль.
Прекрасной Дамы безъ пощады
Я вѣчный призракъ заклиналъ:
„Явись, какъ мѣсяцъ надъ печалью,
Мой приговоръ произнеси,
Пронзи мнѣ сердце вѣрной сталью,
La belle dame sans merci!“

Встрѣчалъ я ликъ, на твой похожій.
За нимъ стремилъ покорный путь,
Какъ на костеръ, всходилъ на ложе,
Какъ въ плаху, поникалъ на грудь.
„Сожги меня послѣдней страстью,
Иль въ строгій холодъ вознеси,
Твоей хочу упиться властью,
La belle dame sans merci!“

Но шла ты, годъ за годомъ, мимо,
Недостижимой, неземной.
Ни разу ты, неумолимой,
Какъ Рокъ, не стала предо мной!
Приди,—огнемъ любви и муки
Во мнѣ всѣ жажды погаси,
И погрузи мнѣ въ сердце руки,
La belle dame sans merci!

СОНАТЫ.

1. ОБРЯДЪ НОЧИ.

Словно въ огненномъ дымѣ и лица и вещи...
Какъ хорошъ, при огняхъ, ограненный хрусталь!..
За плечомъ у тебя вѣетъ призракъ зловѣщій...
Ты—мечта и любовь! ты—укоръ и печаль!..

Словно въ огненномъ дымѣ земныя видѣнья...
А со дна поднимаются искры вина,
Умирають, вздохнувъ и блеснувъ на мгновенье!..
Ты прекрасна, какъ смерть! ты, какъ счастье, блѣдна!

Слышу говоръ, и хохотъ, и звоны стакановъ.
Это дьяволы вышли, подъ мѣсяцъ, на лугъ?
Но мы двое стоимъ въ колыханьи тумановъ,
Насъ отъ духовъ спасетъ зачарованный кругъ.

Ты мнѣ шепчешь. Что шепчешь? Не знаю, не надо.
Умираетъ, смѣясь, золотое вино...
О тоска твоего утомленнаго взгляда!
Этотъ мигъ безнадежный мнѣ снился давно!

✱

Брызнули радостно
Звуки крикливые.
Кто-то возникшій
Машетъ рукой.
Плакать такъ сладостно,
Плачу счастливый я.
Рядомъ—поникишій
Ликъ дорогой!

Гвозди желѣзные
Въ руки вонзаются,
Счастье распятыя
Душитъ меня,
Падаю въ бездны я.
Тѣсно сжимаются
Руки, объятъя,
Кольца огня.

Скрипка визгливая,
Арфа пѣвучая.
Кто-то возникшій
Машетъ рукой.
Плачу счастливый я...
Сладкая, жгучая
Нѣжность къ поникшей,
Къ ней, къ дорогой!

*

О святыя хороводы, на таинственной полянѣ, близъ звенящихъ тихо струй,
Праздникъ ночи и природы, послѣ сладкихъ ожиданій,
возвращенный поцѣлуй!

О незнанье! о невинность! робость радостнаго взгляда,
перекрестный бой сердець!
И сліянье въ сказкѣ длинной, тамъ, гдѣ боль уже —
усллада, гдѣ блаженство и конецъ!

И сквозь сумрачныя сѣти, что сплели высоко буки,
проходящій лучъ луны,
И въ его волшебномъ свѣтѣ чьи-то груди, чьи то руки
беззащитно сплетены!

*

Но почему темно? Горятъ безсильно свѣчи.
Пустой, громадный залъ чуть озаренъ. Тѣхъ нѣтъ.
Ихъ смолкли хохоты, ихъ отзвучали рѣчи.
Но насъ съ тобой связалъ мучительный обѣтъ.

Идемъ творить обрядъ! Не въ сладкой, дѣтской дрожи,
Но съ ужасомъ въ зрачкахъ,—извивы губъ сливать,
И стынуть, чуть дыша, на нежеланномъ ложѣ,
И ждать, что страсть придетъ, незваная, какъ тать.

Какъ милостыню, я приму покорно тѣло.
Вручаемое мнѣ, какъ жертва палачу.
Я всѣхъ святынь коснусь безжалостно и смѣло,
Въ отвѣтъ запретныхъ словъ спрошу,—и получу.

Но жертва кто изъ насъ? Ты брошена на плахѣ?
Иль осужденный—я, по правому суду?
Не знаю. Все равно. Чу! красныхъ крыльевъ взмахи!
Голгоѳа кончилась. Свершилось. Мы въ аду.

2. ВОЗВРАЩЕНИЕ.

ОНА.

Я пришла къ дверямъ твоимъ
Послѣ многихъ лѣтъ и зимъ.
Вѣдавъ грѣшныя пути,
Не достойна я войти
Въ домъ, гдѣ Счастье знало насъ.
Я хочу въ послѣдній разъ
На твои глаза взглянуть,
И въ безвѣстномъ потонуть.

ОНЪ

Ты пришла къ дверямъ моимъ,
Гдѣ такъ много лѣтъ и зимъ,
Съ неизмѣнностью любя,
Я покорно ждалъ тебя.
Горьки были дни разлукъ,
Пусть же, послѣ жгучихъ мукъ,
То же Счастье, какъ въ быломъ,
Осѣняетъ насъ крыломъ.

ОНА.

Другъ! я вѣдала съ тѣхъ поръ
Всѣ паденья, весь позоръ!
Въ жаждѣ призрачныхъ утѣхъ,
Цѣловала жадно грѣхъ!

Слѣдъ твоихъ безгрѣшныхъ ласкъ
Обнажала въ вихрѣ пляскѣ!
Твой дѣлившее восторгъ,
Тѣло—ставила на торгъ!

онъ.

Другъ! ты вѣдала съ тѣхъ поръ,
Какъ жестокъ людской укоръ!
Рѣчью ласковой позволъ
Успокоить эту боль;
Дай уста, въ святой тоскѣ,
Вновь прижать къ твоей рукѣ,
Дай молить тебя, чтобъ вновь
Ты взяла мою любовь!

она.

Все бывшее мной давно
До конца осквернено.
Тайны сладостныхъ ночей,
И объятій, и рѣчей,
Какъ цвѣты бросая въ грязь,
Разглашала я, глумясь,
Посвящала злобно въ нихъ
Всѣхъ возлюбленныхъ моихъ!

онъ.

Что свершила ты, давно
Прощено,—освящено
На огнѣ моей любви!
Душный, долгій сонъ порви,

Выйди вновь къ былымъ мечтамъ,
Словно жрица въ прежній храмъ!
Этотъ сумрачный порогъ
Всѣ святыни оберегъ!

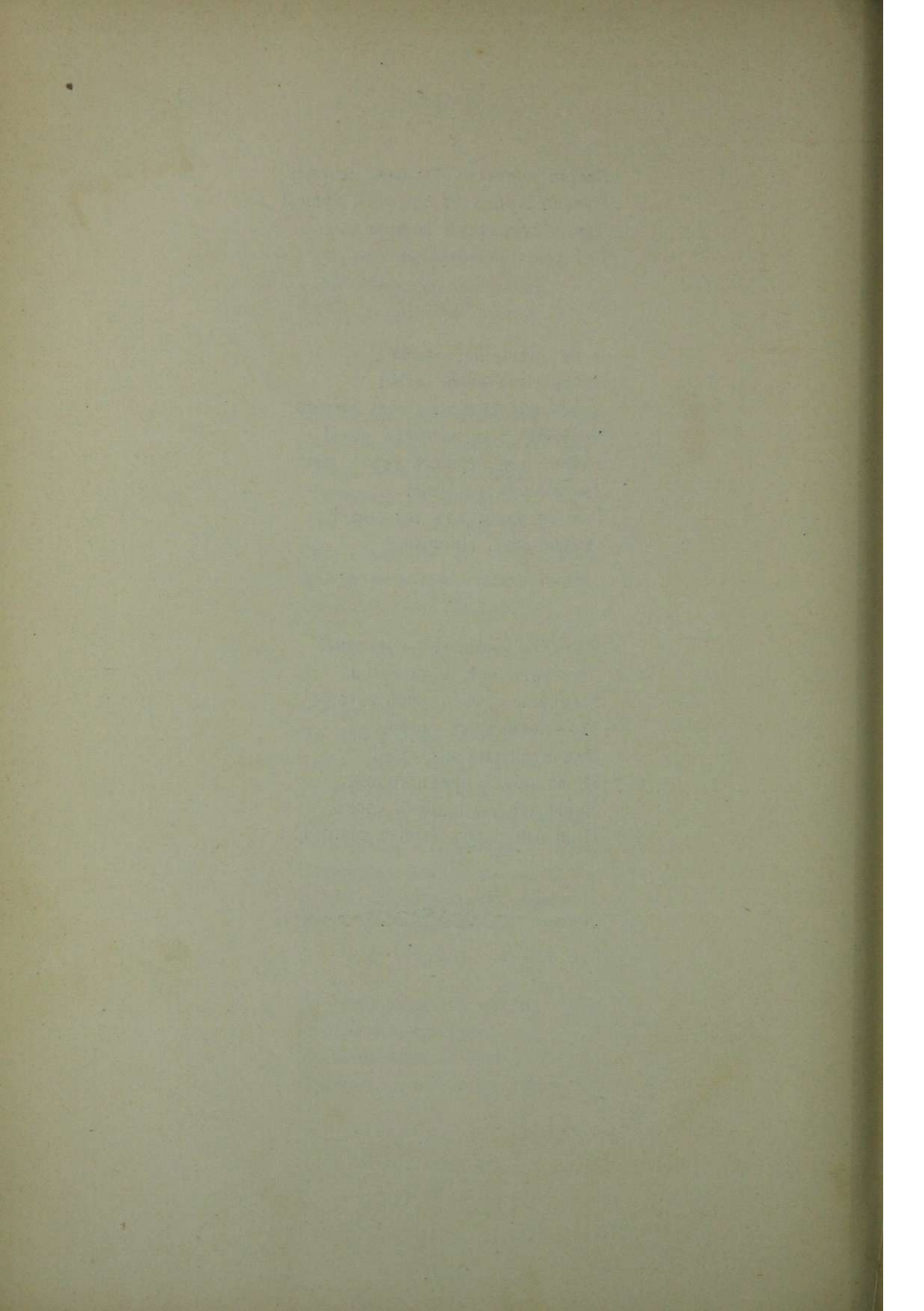
она.

Я не смѣю, не должна...
Здѣсь сіяла намъ весна!
Здѣсь вплетала въ смоль волосъ
Я вѣнокъ изъ желтыхъ розъ!
Здѣсь, при первомъ свѣтѣ дня,
Ты молился на меня!
Гдѣ то утро? гдѣ тотъ май?
Отсіяло все. Прощай.

онъ.

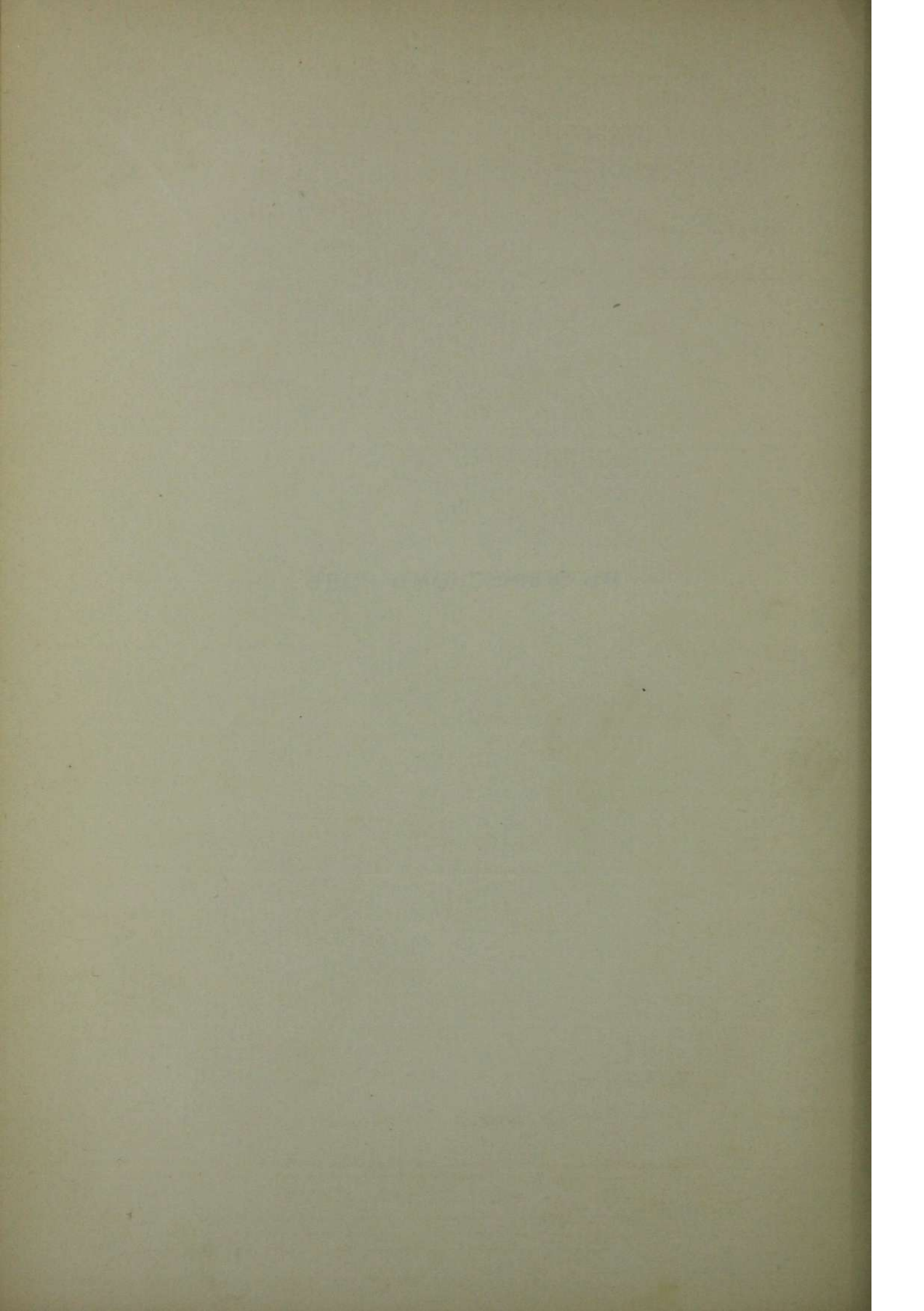
Нѣтъ, ты смѣешь! ты должна!
Ты—тотъ май, и та весна,
Жемчугъ утръ и розъ янтарь!
Ты—моей души алтарь,
Вѣчно чистый и святой!
И, во прахъ предъ тобой,
Вновь цѣлую я, безъ словъ,
Пыльный слѣдъ твоихъ шаговъ!

III.

ВЪ ЭПИЧЕСКОМЪ РОДѢ.

ЖИЗНЬ.

Безликая, она забыла счетъ обличій:
Подсказываетъ роль любовнику въ бреду,
И коршуна влечетъ надъ нивами къ добычѣ,
И гидрѣ маленькой даетъ дышать въ пруду.

Въ пустынь выжженной встаетъ былинкой смѣлой,
Въ ничтожной капелькѣ селить безмѣрный міръ,
Рождаетъ каждый мигъ, вплетаетъ тѣло въ тѣло,
И сѣмена существъ проноситъ чрезъ эфиръ!

Отъ грозныхъ пирамидъ и гордыхъ библиотекъ
До горъ, воздвигнутыхъ изъ ракушекъ морскихъ,
Отъ криковъ дикаря, метнувшего свой дротикъ,
До черного червя, который мудро тихъ,—

Сверкаетъ жизнь вездѣ, грохочетъ жизнь повсюду!
Бросаюся въ глубь вѣковъ,—она горитъ на днѣ...
Бѣгу на высь временъ,—она кричитъ мнѣ: буду!
Она надъ всѣмъ, что есть; она во всемъ, во мнѣ!

О, братья: челоѣкъ! бацилла! тигръ! гвоздика!
И жители иныхъ непознанныхъ планетъ!
И духи тайные, не кажущіе лика!
Мы всѣ—лишь бѣглый блескъ на вѣчномъ морѣ лѣтъ!

НАДПИСИ КЪ ГРАВЮРАМЪ.

1. ЗА УТЕСОМЪ.

Плыви, плыви рѣкой волнистой!
Мы за утесомъ стережемъ,
И въ знойный часъ, и въ вечеръ мгlistый,
Съ кинжаломъ, лукомъ и копьемъ.

Купецъ богатый, странникъ скудный,
Изъ Рима робкій пилигримъ,—
Вы всѣ, съ отвагой безразсудной,
Скользите лономъ голубымъ!

Сіяетъ солнце, воздухъ нѣжитъ,
Вода какъ ясное стекло,
Но свистъ стрѣлы покой разрѣжетъ,—
И кормщикъ выронитъ весло!

Что юный гость? что путникъ старый?
Вся жизнь твоя свелась на вскрикъ!
Сбирай весь годъ свои товары,
Но съ прибылью простишься въ мигъ!

Плывите, люди, мимо! мимо!
Васъ жизнь влечетъ, васъ манитъ твердь,—
Но мы васъ ждемъ неумолимо:
Мы—горе! мы—бѣда! мы—смерть!

2. ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Къ стѣнѣ причалилъ челнъ полночный,
Упали петли изъ окна,
И вотъ по лѣстницѣ непрочной
Скользнула съ высоты Она.

Дрожа отъ счастья и тревоги,
За мигомъ мигъ слѣдили мы,—
Пока Ея коснулись ноги
До тихо зыблемой кормы!

Я принялъ, какъ святыню, въ руки
Ее, закрытую фатой.
И веселье—были тихи звуки,
И челнъ—былъ призракъ надъ водой.

Она не молвила ни слова
И не явила намъ лица,
Но громче ропота морского
Стучали сильныя сердца!

И, наклоня лица ниже,
Сжавъ рукояти шпагъ своихъ,
Мы знали всѣ, что ближе, ближе
Часъ поединковъ роковыхъ!

3. ВСТРѢЧА.

И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.

А. П у ш к и н ъ.

Ты мнѣ предстала какъ видѣнье,—
Въ глазахъ испугъ и смутный стыдъ.
Мы были рядомъ на мгновенье,
И встрѣчи жизнь не повторить.

Кто ты? откуда? съ кѣмъ таилась
Въ наемной комнатѣ вдвоемъ?
Куда, подъ утро, торопилась
Съ своимъ стыдливымъ узелкомъ?

Тебя любовь ли въ эти двери
Къ продажнымъ ломамъ привела,
И упоили ль въ полной мѣрѣ
Тебя и грѣхъ, и страсть, и мгла?

Иль ты пришла сюда за платой,
Съ тупымъ отчаяньемъ въ мечтахъ,
И называла ночь проклятой,
Дрожа безъ силъ въ чужихъ рукахъ?

И, возвращаясь въ повседневность,
Домой, межъ утреннихъ тѣней,
Обманешь ли ты мужа ревность,
Иль чуткость матери твоей?

4. МОНАХЪ.

На полѣ жизненнаго боя,
Гдѣ Рокъ влечетъ насъ, какъ самумъ,—
Душа возжаждала покоя,
Молитвъ и одинокихъ думъ!

И вотъ презрѣвъ соблазнъ свободы
И міра призрачную ширь,
Сошелъ я подъ глухіе своды,
Въ твои затворы, монастырь!

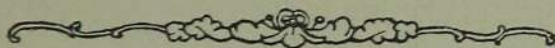
Внѣ стѣнъ—и ужасъ и веселье,
Пиръ любви и красоты.
Но здѣсь хранить ревниво келья
Всегда спокойныя мечты.

Я жизни иноческой свято
Блюду опредѣленный чинъ,
И дни, съ восхода до заката,—
Какъ рядъ медлительныхъ годинъ.

Люблю я благовѣсть разсвѣта,
Церковной службы череду,
Степенность братскаго привѣта,
Ночь, посвященную труду.

Мнѣ хорошо, подъ буйство бури,
При кроткомъ блескѣ ночника,
На тщательной миниатюрѣ
Чертить узоры лепестка;

Иль, не спѣша слагая главы,
И имъ не вѣдая конца,
Припоминать о жаждѣ славы,
Въ міру сжигающей сердца.

5. «NOLI ME TANGERE, MARIA».

Прошелъ печально день субботній,
Сіяетъ небо новымъ днемъ,
И въ душахъ всѣхъ безповоротнѣй
Разувѣреніе во всемъ!

Онъ говорилъ: „Какъ свѣтъ зарницы,
„Приду, и воззову на судъ...“
И вотъ лежитъ во тьмѣ гробницы,
И стражи тѣло берегутъ.

Но женщинъ души не устануть,
Какъ горный ключъ, струить любовь,
„Онъ обмануль... иль былъ обмануть...
„Но Онъ страдалъ и пролилъ кровь!“

Несутъ ко гробу ароматы,
Но пустотой зяеетъ онъ...
И тутъ же вѣетъ слухъ крылатый,
Что трупъ врагами унесенъ.

Тогда, всѣмъ горестямъ услада,
Къ Маріи сходить самъ Христосъ,
Но въ Немъ ей мнится сторожъ сада,—
Она къ Нему: „Не Ты ль унесъ...“

И, слыша рѣчи роковыя
Не могшей побѣдить искусь,
„Noli me tangere, Maria!“
Ей отвѣчаетъ Исусъ.

ВИДѢНІЯ.

1. ПОВОЛЬНИКЪ.

Здравствуй, буйная ватага, удалыхъ годовъ друзья!
Вотъ и снова я—бродяга, вотъ опять—повольникъ я!

Я въ затворахъ жилъ подолгу, выпилъ чашу рабской доли,
Но я молодъ,—видя Волгу, я могучъ—подъ вѣтромъ съ воли!

Повинуйтесь снова кличу, становитесь въ бранный кругъ!
Какъ бывало, на добычу поведу за стругомъ стругъ.

Ахъ, какъ сладки лязги сабли! какъ безсильно свищутъ пули!
Что, ударъ мой не ослабъ ли? голосъ слышенъ ли и въ гуль?

А теперь дѣли, что взято! всѣмъ по ровну, безъ грѣха!
Горстью мѣрь серебро и золото, а на локоть мѣрь мѣха.

Спрятавъ знатные товары, мы костеръ зажжемъ надъ плесомъ,
Будутъ звонко вторить чары нашимъ пѣснямъ стоголосымъ;

А когда луна остудитъ—волны Волги и песокъ,
Всѣмъ по очереди будетъ съ полоняночкой часокъ!

2. РУСАЛКА.

Она, свои скрывая груди
И лоно зыбкимъ тростникомъ,
На міръ, гдѣ колдовали люди,
Смотрѣла изъ рѣки тайкомъ.

Ей былъ понятень ихъ веселій
И ихъ заботъ вседневный строй,—
Призывъ пастушеской свирѣли,
Костеръ рыбачій подъ горой.

Она любила хороводы,
И пѣсни дѣвъ издалека,
Когда ложилась мгла на воды
И стыла темная рѣка.

А въ день осеннихъ водосвятій,
Изъ-подъ воды едва видна,
Какъ рѣчь таинственныхъ зачатій
Молитвы слушала она.

Когда же рой дѣтей, купаясь,
Шнырялъ по вспугнутой рѣкѣ,
Она звала ихъ, откликаясь
На непонятномъ языкѣ.

Но, видя проходящихъ парней,
Вечеровой порой, въ тиши,
Еще нѣжнѣй, еще коварнѣй
Смѣялась, зыбля камыши.

3 САМОУБІЙЦА.

КАРТИНА ДЛЯ СИНЕМАТОГРАФА.

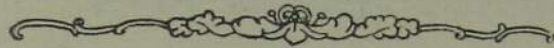
Томный, стройный, строгій, грустный,
Кто ты: горецъ иль стрѣлокъ?
Мостъ согнулся неискусный
Черезъ вспѣненный потокъ.

Что такимъ пристрастьемъ тянетъ
Твой, къ водѣ склоненный, взоръ?
Схватить, свяжетъ и обманетъ
Волнѣ излучистый узоръ.

Ты простеръ, уйти не смѣя,
Руки къ пѣнистой судьбѣ.
Но изъ пѣны Лорелея
Подымаетъ взоръ къ тебѣ.

Тихо смотритъ, тихо плачетъ,
Клонитъ голову въ вѣнкѣ,
И стыдливо горе прячетъ
Въ буйно вспѣненной рѣкѣ.

Что ты шепчешь? Кто услышитъ?
„Жизнь грустна. Грустиѣе смерть.“
На мосту пустомъ колышитъ
Вѣтеръ сломанную жердь.

4. ГОЛОСЪ МЕРТВАГО.

На зарѣ вечерней, въ траурѣ,
Ты куда спѣшишь, дѣвица?
Соловей свиститъ на яворѣ,
Мѣсяцъ въ озеро глядится.

Ты блѣдна на старомъ кладбищѣ,
Надъ моимъ крестомъ склоненномъ.
Ахъ, не здѣсь, не здѣсь свой кладъ ищи:
Кто-то ждетъ въ саду, подъ кленомъ!

Слезъ мнѣ жаль, печально тающихъ
На землѣ, на сѣромъ камнѣ!
Стань счастливой, стань сіяющей,—
Будешь болѣе вѣрна мнѣ!

Если бѣ вышелъ изъ могилы я,
Праздникомъ всю жизнь я бѣ сдѣлалъ,
Цѣловалъ улыбки милыя,
Только бѣ счастье ласки вѣдалъ!

Что здѣсь? гробъ, да прахъ, да тлѣніе!
А кругомъ, сквозь смерть, я чую
Все веселіе весеннее,
Волю бабочекъ живую,

Радость луга, распростертаго
Подъ лучами солнца яснаго...
Помни, помни голосъ мертваго:
Лишь одно люби—прекрасное!

5. ПОБѢГЪ ПАСТУХА.

На этой ели благосклонной
Покойся, ветхая свирѣль!
Съ тобой я пѣлъ и хмѣль влюбленный,
И вечеръ, страстью опаленный,
И душу бури, и апрѣль.

Но тщетно грезы ожидали
Найти усладу въ звукахъ тѣхъ.
Они молили и рыдали,
Но въ тайнѣ думъ сіяли дали
Иныхъ скорбей, иныхъ утѣхъ.

Простите, лиліи долины!
Рѣчная зыбь! стада овецъ!
Туда, гдѣ горы-исполины,
Гдѣ гуль лавинъ, гдѣ летъ орлиный,
Идетъ задумчивый пѣвецъ.

Гость молчаливый, безсловесный,
Вхожу, Природа, въ замокъ твой,
И буду, со скалы отвѣсной,
Въ долину видѣть даръ безвѣстный:
Свирѣль на ели вѣковой.

6. СТИХИ НА ИЗРАЗЦАХЪ.

Иду скоро въ домъ свой я,
Путь мой проторень.
Ждетъ меня любовь моя,
Про меня ей сонъ.

Я люблю ее весьма,
Жизнь моя—любовь,
Разлучила насъ зима,
Весна сблизитъ вновь.

Свѣтло солнце по веснѣ,
Красенъ маковъ цвѣтъ.
До цвѣтовъ охота мнѣ,
Я нарву букетъ.

Къ ней приду съ букетомъ я,
Съ розой полевой,
Ей скажу: Любовь моя,
Я до гроба твой!

7. ЖАЛОБА ГЕРОЯ.

Насъ не много осталось отъ грознаго племени
Многомошныхъ воителей, плившихъ подъ Трою,
И о славномъ, о страшномъ, о призрачномъ времени
Вспоминать въ наши дни какъ-то странно герою.

Агамемнонъ погибъ подъ ударомъ предательства,
Оилеевъ Аянтъ сгинулъ въ синей пучинѣ,
Теламонидъ упалъ въ черный вихрь помѣшательства,
А Патроклъ и Ахиллъ вѣчно спятъ на чужбинѣ!

Гдѣ друзья моихъ дней?—Одиссей многомысленный
Благородно дряхлѣетъ въ ничтожной Иѳакѣ,
Тевкръ бѣжалъ и покинулъ народъ свой безчисленный,
Сынъ Тидея на западѣ скрылся во мракѣ.

И когда мы порой, волей Рока, встрѣчаемся,
Мы, привыкшіе къ жизни средь малыхъ, безславныхъ,
Какъ враги, другъ на друга, грозя ополчаемся,
Чтобъ потѣшить свой духъ поединкомъ двухъ равныхъ!

8. ТРИУМФАТОРЪ.

Мое чело въ послѣдній разъ
Вѣнчалъ сегодня лавръ побѣдный,
На колесницѣ заповѣдной,
Ловя лучи на панцырь мѣдный,
Вступилъ я въ Римъ въ веселый часъ.

Народъ въ восторгѣ выль; друзья
Моей завидовали долѣ;
За мной влеклись цари въ неволѣ;
По Via Sacra, въ Капитолій,
Для пышныхъ жертвъ проѣхалъ я.

Но вотъ, когда, вѣнецъ клоня.
Я подступилъ къ телицѣ бѣлой—
Ножъ задрожалъ въ рукѣ умѣлой,
Какъ тайный знакъ, что отлетѣла
Богиня Нике отъ меня.

Мой взоръ на мигъ покрылся тьмой
И былъ мнѣ внятень голосъ бога:
„Вѣнецъ и пурпурная тога
„Довлѣетъ смертнымъ. Слишкомъ много
„Кто волить,—противъ вызовъ мой!“

Что жъ, подниму ль ярмо судьбы?
Нѣтъ! отъ копья лица не скрою!
Трубите трубы снова къ бою!
И пусть въ парѣянскомъ станѣ мною,
Какъ плѣннымъ, тѣшатся рабы!

Ж Е Н Щ И Н Ы.

І. ЗАКЛИНАНІЕ.

Красный огонь, раскрутись, раскрутись!
Красный огонь, взвейся въ темную высь!
Красный огонь, раскрутись, раскрутись!

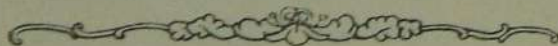
Лживую куклу, въ цѣпи золотой,
Лживую куклу пронзаю иглой,
Лживую куклу, въ цѣпи золотой!

Ликъ восковой, обращенный ко мнѣ,
Ликъ восковой оплываетъ въ огнѣ,
Ликъ восковой, обращенный ко мнѣ!

Сердце твое, не кумиръ восковой,
Сердце твое я пронзаю иглой,
Сердце твое, не кумиръ восковой!

Вся твоя жизнь, наяву, не во снѣ,
Вся твоя жизнь погибаетъ въ огнѣ,
Вся твоя жизнь, наяву, не во снѣ!

Красный огонь, раскрутись, раскрутись!
Красный огонь, взвейся въ темную высь!
Красный огонь, раскрутись, раскрутись!

2. ОЖИДАНИЕ.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Пусть воскъ прозрачный топится,
Пусть милый другъ торопится
На томъ лихомъ конѣ
Изъ странъ чужихъ ко мнѣ.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Пусть желтый воскъ не топится,
Пусть милый не торопится,
Не ждать добра ему
Въ своемъ родномъ дому.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

На груди распаленныя
Лью масла благовонныя.
Услышь ихъ аромать,
Лети ко мнѣ назадъ.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

На груди распаленныя
Лью масла благовонныя.
Ахъ! сквозь ночную тишь
Ихъ запахъ не прослышь!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Упавъ въ постель пуховую,
Срываю ризу новую.
Когда жъ, какъ юный богъ,
Ты станешь на порогъ?

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

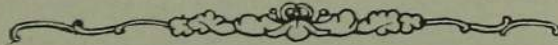
Упавъ въ постель пуховую,
Срываю ризу новую,
Но въ тайнѣ темноты
Войдешь не ты! не ты!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Пусть воскъ прозрачный топится,
Пусть милый мой торопится,
Тяну я руки въ ночь,
Мнѣ больше ждать не въ мочь!

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Пусть милый не торопится,
Пусть въ омутѣ утопится,
Не видѣть бы ему
Грѣха въ своемъ дому!

3. ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЯ ДѢВУШЕКЪ.

Wann wird die Stunde kommen,
Das einer mich genommen,
Und mein Braut-Bette knackt! (Volkslied.)

Сини всѣ проталины
Подъ ногой весны.
Солнцемъ мы ужалены,
Вѣтромъ мы пьяны!
Съ воздухомъ вливается
Въ насъ апрѣльскій хмель...
Скоро ль закачается
Дѣвичья постель!

Чу! поетъ надъ водами
 Вешнихъ мошекъ рой.
 Время—хороводами
 Виться подъ горой.
 Пѣснями и плясками
 Время—ночь вспугнуть...
 Ахъ, когда жъ подъ ласками
 Поблѣднѣтъ грудь!

Словно въ церкви статуя,
 Мы зимой весь день.
 Скоро, лиловатая,
 Зацвѣтетъ сирень,
 Скоро кустъ шиповника
 Будетъ весь въ цвѣтахъ...
 Ахъ! когда жъ любовника
 Встрѣчу я впотьмахъ!

4. УГОЛЕКЪ.

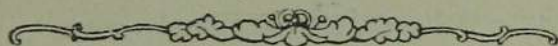
Солнца уголь кругло-красный
 Бросилъ отблескъ на снѣга.
 Мальчикъ скромный, мальчикъ страстный,
 Я ль сурова? я ль строга?

Я—какъ этотъ мраморъ бѣлый,
 Ты—въ каминѣ уголекъ.
 Мальчикъ робкій, мальчикъ смѣлый,
 Что жъ ты медлишь тамъ, у ногъ?

Уголь къ углю тянетъ губы,
Шепчетъ огненную рѣчь.
Мальчикъ милый!—почему бы
Тѣлу къ тѣлу не прилечь!

Шторой скроемъ окна эти,
Пусть не видитъ насъ закатъ.
Но смотри: при красномъ свѣтѣ
Груди радостиѣй дрожать!

Солнца уголь кругло-красный
Канетъ въ сумракъ роковой...
Уголь-мальчикъ, мальчикъ страстный,
Обожги меня собой!

5. РАЗДУМЬЕ ДѢВУШКИ.

Онъ ко мнѣ безстыдно прикоснулся...
Это было на зарѣ вечерней.
Онъ ко мнѣ безстыдно прикоснулся...
Сердце вечерами легковѣрнѣй.

Снились мнѣ всю ночь мужскія ласки,
На безгрѣшной, дѣвичьей постели.
Снились мнѣ всю ночь мужскія ласки,
И отъ ласкъ мои колѣни млѣли.

Утромъ я проснулась истомленной
Отъ неясныхъ, сладкихъ ожиданій.
Утромъ я проснулась истомленной,
И весь день глаза мои въ туманѣ.

Онъ желалъ, чтобъ вечеромъ пришла я,
(Этотъ голосъ слышу я повсюду!)
Онъ сказалъ, чтобъ вечеромъ пришла я
Вновь, въ бесѣдку липовую, къ пруду.

Можетъ быть, онъ, какъ вчера, и нынче
Мнѣ улыбкой милой улыбнется.
Можетъ быть, онъ, какъ вчера, и нынче
Вновь ко мнѣ такъ странно прикоснется!

6. НАША ТѢНЬ.

Наша тѣнь выростала въ длину тротуара,
Въ нерѣшительный часъ догоравшаго дня.
И лишь уголья тлѣли дневного пожара,
Въ отдаленьи, за нами—безъ силъ, безъ огня.

Наша тѣнь подымалась на стѣны строеній,
То кивала съ простѣнковъ, то падала вновь,
И ловила мои утомленные пени,—
Что костеръ догорѣлъ, что померкла любовь.

Засвѣтились огни; наша тѣнь почернѣла;
Отбѣгала назадъ и росла впереди,
Угадала, какъ я прошептала несмѣло:
„Если больше не любишь, такъ что жь,— уходи!“

Ослѣпилъ насъ фонарь сине-газовымъ свѣтомъ,
И, растаявъ внезапно у ногъ безъ слѣда,
Наша тѣнь засмѣялась надъ тихимъ отвѣтомъ,
Надъ неожиданнымъ отвѣтомъ: „Прощай навсегда!“

7. ВЪ ТОМЪ ЖЕ ПАРКѢ.

Здравствуй, листикъ, тихо падающій,
Словно легкой мотылекъ!
Здравствуй, здравствуй, грустью радующій,
Предосенній вѣтерокъ!

Нѣжно гаснетъ блѣдно-палевая,
Вечерѣющая даль.
Словно въ лодочкѣ отчаливая,
Уношусь въ мою печаль.

Ясно гаснетъ отуманенная
Заводь соннаго пруда,
Сердце, словно птица раненая,
Такъ же бьется какъ тогда.

Здѣсь, вотъ здѣсь въ стыдливой длительности
Слили мы уста въ уста.
Какъ же нѣтъ былой дѣйствительности?
Онъ не тотъ? иль я не та?

Выхожу въ аллею липовую,
Гдѣ сказалъ онъ мнѣ: я твой!..
И не плачу, только всхлипываю,
Шелестя сухой листвою.

Но не длить мечту застѣнчивую
Въ старый паркъ пришла я вновь:
Тихой грустью я увѣнчиваю
Опочившую любовь!

ВЪ ГОРОДЪ.

1. ГОЛОСЪ ГОРОДА.

ТЕРЦИНЫ.

Когда я, ночью, утомленъ, иду
Пустынной улицей, и стѣны сонны,
И фонари не говорятъ въ бреду,

И призраки ко мнѣ не благосклонны.—
Въ тиши холодной слышится порой
Мнѣ голосъ города, зовъ непреклонный:

„Ты, озабоченъ, здѣсь спѣшишь. Другой—
„На ложѣ ласкъ, въ смѣшномъ порывѣ, выгнуть.
„Въ притонѣ третій скорченъ за игрой.

„Но живъ—лишь я, и, вами не постигнуть,
„Смотрю, какъ царь, въ безмолвіе ночей.
„Ты думаешь, что вами я воздвигнуть?

„Нѣтъ! люди—атомы въ крови моей,
„И, гѣла моего живыя клѣтки,
„Дома—тяну я въ глубину полей.

„Какъ птицамъ лѣсъ дарить весною вѣтки,
„Свое богатство отдаю вамъ я,
„Но раньше имъ владѣли ваши предки.

„Не равны мы на скалѣ бытія:
„Вамъ жить—года, а мнѣ—ряды столѣтій!
„Шумя, тѣснится городовъ семья.

„Когда жъ и я свершу свой подвигъ, дѣти,
„Не вамъ я завѣщаю пышный прахъ,
„Все, что хранять ревниво зданья эти.

„Есть братья у меня въ иныхъ краяхъ:
„Мои богатства, какъ изъ нѣдръ могильныхъ,
„Пусть вырвутъ, и замкнутъ въ своихъ стѣнахъ,

„И надъ людьми смѣются смѣхомъ сильныхъ!“

2. ГОРОДУ.

ДИФИРАМБЪ.

Царя властительно надъ доломъ,
Огни вонзая въ небосклонъ,
Ты трубъ фабричныхъ частоколомъ
Неумолимо окружень.

Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сѣтями проволокъ обвить,
Ты—чарователь неустанный,
Ты—не слабѣющій магнить.

Дракономъ, хищнымъ и безкрылымъ,
Засѣвъ,—ты стережешь года,
А по твоимъ желѣзнымъ жиламъ
Струится газъ, бѣжитъ вода.

Твоя безмѣрная утроба
Вѣковъ добычей не сыта,—
Въ ней неумолчно ропщеть Злоба,
Въ ней грозно стонетъ Нищета.

Ты, хитроумный, ты, упрямый,
Дворцы изъ золота воздвигъ,
Поставилъ праздничные храмы
Для женщинъ, для картинъ, для книгъ;

Но самъ скликаешь, непокорный,
На штурмъ своихъ дворцовъ—орду,
И шлешь вождей на митингъ черный:
Безумье, Гордость и Нужду!

И въ ночь, когда въ хрустальныхъ залахъ
Хохочетъ огненный Развратъ,
И нѣжно пѣнится въ бокалахъ
Мгновений сладострастныхъ ядъ,—

Ты гнешь рабовъ угрюмыхъ спины,
Чтобъ, изступленны и легки,
Ротационныя машины
Ковали острые клинки.

Коварный змѣй, съ волшебнымъ взглядомъ!
Въ порывѣ ярости слѣпой,
Ты ножъ, съ своимъ смертельнымъ ядомъ,
Самъ поднимаешь надъ собой.

3. БАЛЪ.

Невѣрная, обманчивая ясность
Искусственного свѣта,
И музыки томительная страстность,—
Зовъ безъ отвѣта.

Мельканье плечъ, причесокъ, аксельбантовъ,
Цвѣтовъ и линій,
И въ этомъ морѣ—вспышки брилліантовъ,
Изъ глуби синей.

И тихій лепетъ, трепетъ волнъ безвольныхъ,
Кружащихъ пары,
Порою словно звоновъ колокольныхъ
Святыя чары.

И тѣла къ тѣлу близость, приближенье,
Ядь аромата,
Забвенье, и круженье, и движенье,
Вдаль, безъ возврата.

И нити, чары дряхлаго соблазна,
Съ лицомъ змѣинымъ,
Что вяжутъ, вяжутъ души неотвязно,
Какъ серпантинномъ ..

4. УЛИЧНАЯ.

Свищетъ въ полъ-голоса аріи,
Блескомъ и шумомъ пьяна,
Здѣсь на ночномъ тротуарѣ,
Вольная птица она!

Дѣтски балуется съ локономъ,
Вьющимся дерзко къ глазамъ,
То вдругъ наклонится къ окнамъ,
Смотритъ на радужный хламъ.

Вотъ улыбнулась знакомому
Всѣмъ ожерельемъ зубовъ!
Вотъ, подмигнувъ молодому,
Бросила нѣсколько словъ.

Кто-то кивнулъ необдуманно,
Къ ней наклонился,—и вотъ
Вмѣстѣ смѣется онъ шумно,
Рядомъ, волнуясь, идетъ.

Словно громадное зеркало
Ихъ отразило окно,
И отраженъе померкло
Канувъ на темное дно

5. ВЕЧЕРНІЙ ПРИЛИВЪ.

Кричатъ афиши, пышно-пестрыя,
И стонутъ вывѣсокъ слова,
И магазиновъ свѣты острые
Язвятъ, какъ вопли торжества.

Тамъ спятъ за стеклами матеріи.
Льютъ брилліанты яркій ядъ,
И надъ звѣздой червонцевъ—серіи
Сіяньемъ сѣвернымъ горять.

Прорѣзанъ длинными колодцами
Горящихъ улицъ,—городъ живъ.
Киша безсчетными уродцами,
Вечерній празднуетъ приливъ.

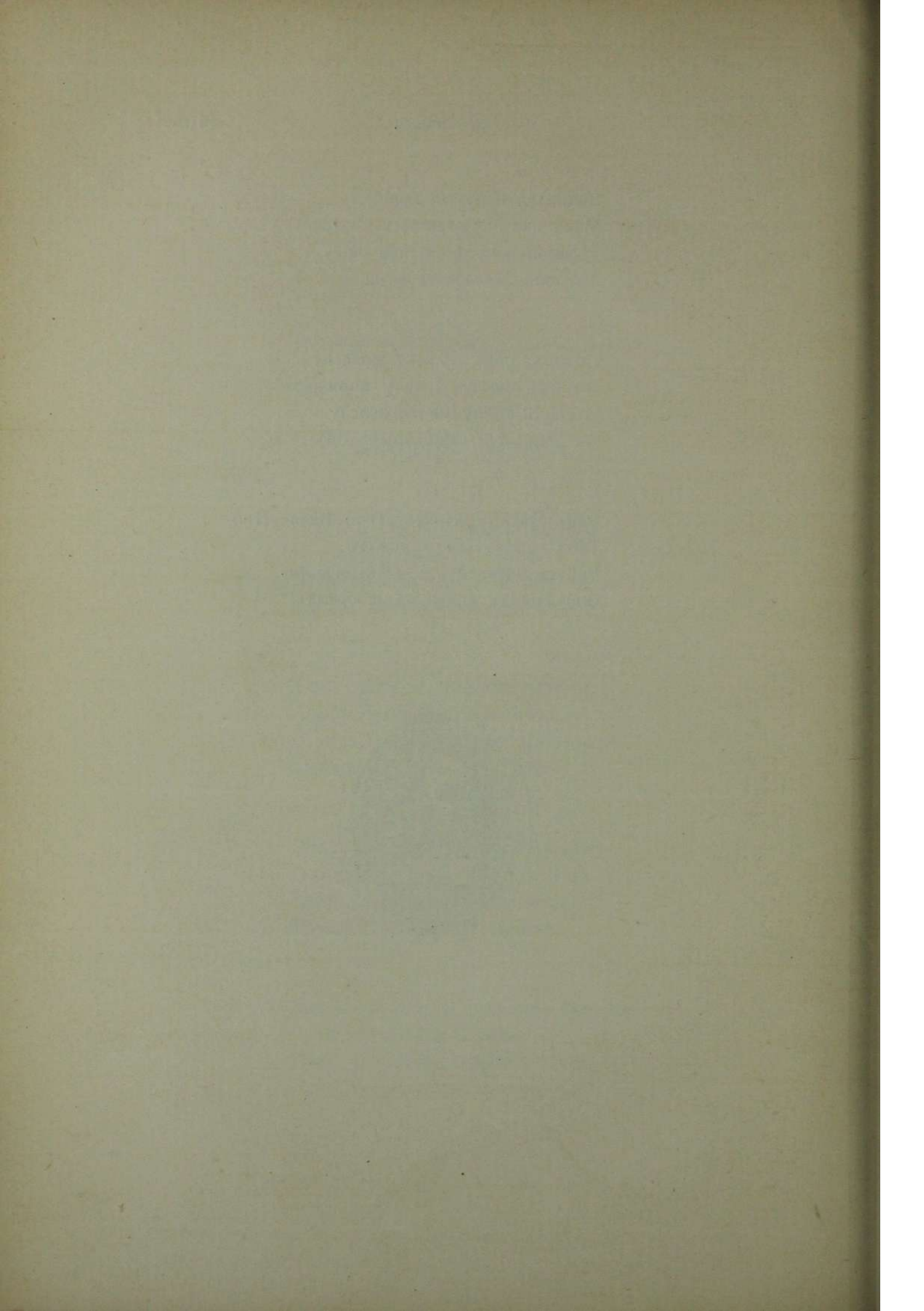
Скрывъ небеса съ звѣздами чуткими,
Лучи синѣютъ фонарей—
Надъ мудрецами, проститутками,
Надъ зыбью пляшущихъ людей.

Кадрилей нарушая линіи,
Межъ паръ кружащихся—звеня,
Трамваи мечутъ молнии синія,
Автомобили—снопъ огня.

Позоръ, подъ музыку колесную,
Вознесъ смычекъ, какъ дирижеръ,
И слилъ толпу многоголосную
Въ единый и священный хоръ:

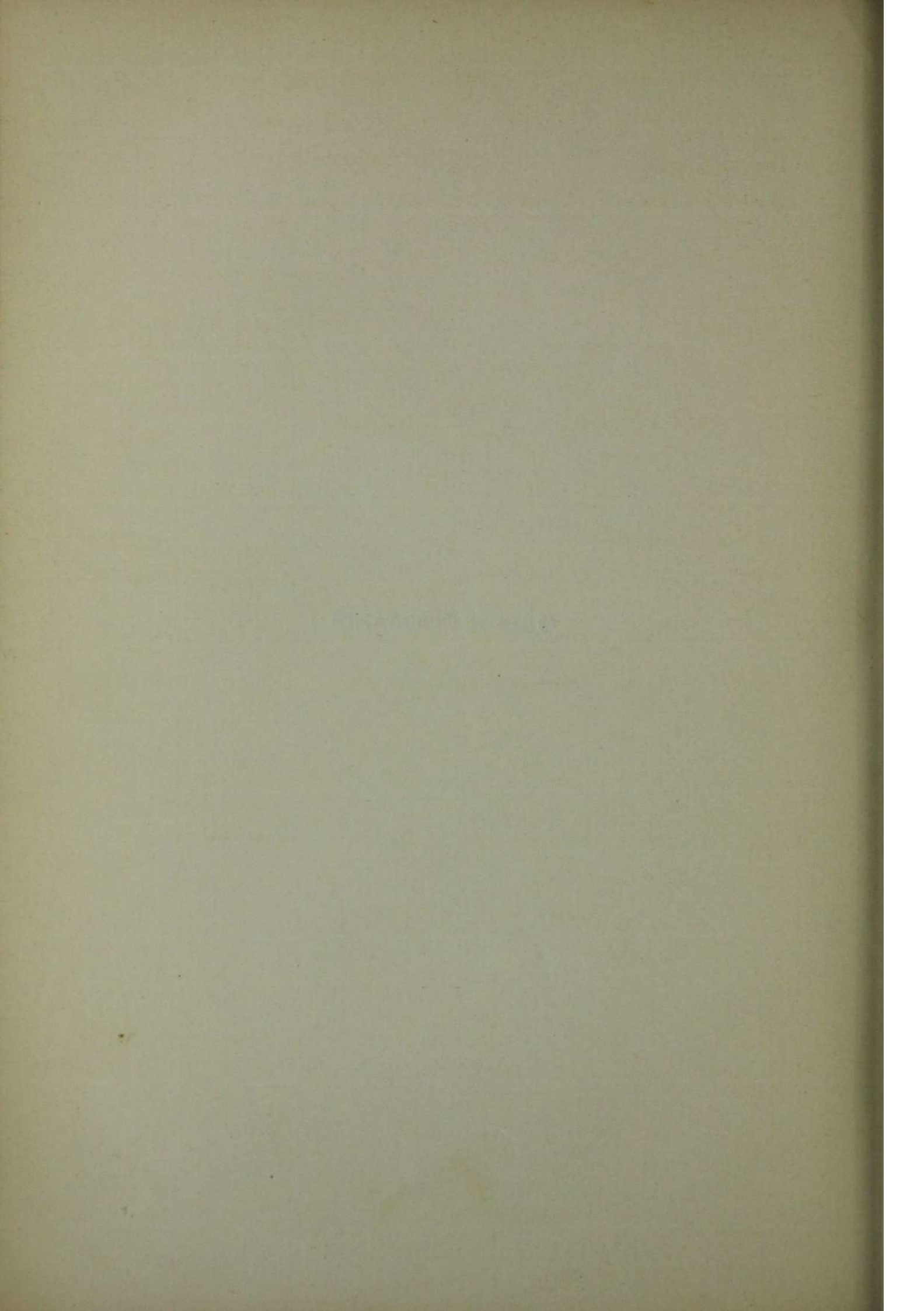
„Мы славимъ, Прахъ, Твое Величество,
Тебѣ ведемъ мы хороводъ,
Вкругъ алтарей изъ электричества,
Вонзившихъ копыя въ небосводъ!“

IV.

ОДЫ И ПОСЛАНИЯ.

ХВАЛА ЧЕЛОВѢКУ.

Молодой морякъ вселенной,
Міра древній дровосѣкъ,
Неуклонный, неизмѣнный.
Будь прославленъ, Человѣкъ!

По глухимъ тропамъ столѣтій
Ты проходишь съ топоромъ,
Цѣлишь лукомъ, ставишь сѣти,
Торжествуешь надъ врагомъ!

Камни, вѣтеръ, воду, пламя
Ты смирилъ своей уздой,
Взвилъ ликующее знамя
Прямо въ куполь голубой.

Вѣчно властенъ, вѣчно молодъ,
Въ странахъ Сумрака и Льда,
Пѣть заставилъ вѣщій молотъ,
Залилъ блескомъ города.

Сквозь пустыню и надъ бездной
Ты проведь свои пути,
Чтобъ не рвущейся, желѣзной
Нитью землю оплести.

Въ древнихъ, вольныхъ Океанахъ,
Гдѣ играли лишь киты,
На стальныхъ левиаѳанахъ
Пробѣжалъ державно ты.

Змѣя, жалившаго жадно
Съ неба выступы дубовъ,
Изловилъ ты, беспощадно,
Неустанный звѣроловъ.

И шипя подъ хрупкимъ шаромъ,
И въ стеклѣ согнуть въ дугу,
Онъ теперь, покорный чарамъ,
Свѣтитъ хитрому врагу.

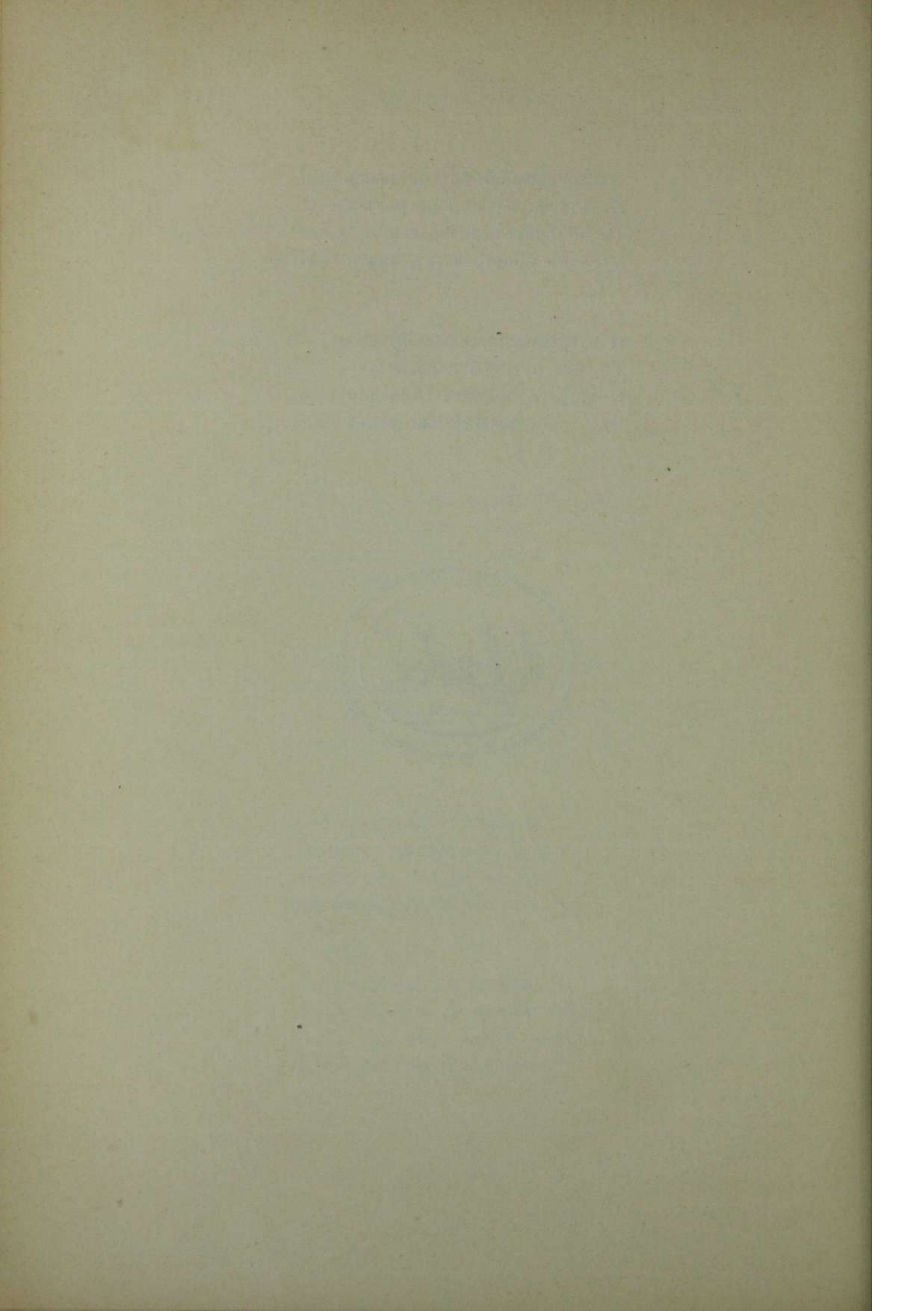
Царь несытый и упрямый
Четырехъ подлунныхъ царствъ,
Не стыдась, ты роешь ямы,
Множишь тысячи коварствъ;—

Но, отважный, со стихіей
Послѣ бьешься съ грудью грудь,
Чтобъ еще надъ новой выей
Петлю рабства захлестнуть.

Вѣрю, дерзкій! ты поставишь
Надъ землею ряды вѣтриль.
Ты по прихоти направишь
Бѣгъ въ пространствѣ, межъ свѣтилъ.

И насельники вселенной,
Тѣ, чей путь ты пересѣкъ,
Повторять привѣтъ священный:
Будь прославленъ, Человѣкъ!

ПРАВДА ВѢЧНАЯ КУМИРОВЪ.

1. ОРЫ.

Устремивъ другъ къ другу взоры,
Въ пляскѣ двигаясь впередъ,
Вы ведете—оры! оры!—
Свой священный хороводъ.

Въ ночь глухую—слухъ склоненный
Къ безотвѣтной безднѣ сновъ,
Слышитъ топотъ потаенный
Вашихъ маленькихъ шаговъ.

Солнце встанетъ, снова канетъ
Въ неизбежность новый день.
Ваша пляска не устанетъ
Обгонять и свѣтъ и тѣнь.

Мы, дыша мечтой блаженной,
Сномъ работы, ядомъ книгъ,
Въ душевой кузницѣ вселенной
Всѣ куемъ за мигомъ мигъ.

И, скользя тропой столѣтій,
Мимо жизни, мимо насъ,
Ловко ловите вы въ сѣти
Каждый выкованный часъ.

Стойте! стойте! на мгновенье
Дайте бездну оглянуть!
—Плавны легкія движенья
Дѣвъ, свершающихъ свой путь!

Въ нихъ безвольность, въ нихъ безпечность,
Взоръ ихъ благостень и тихъ!
Что жъ? онѣ ль пропляшутъ вѣчность,
Иль Она—поглотить ихъ?

2. ГЕСПЕРИДОВЫ САДЫ.

Гдѣ-то есть, за темной далью
Грозно зыблемой воды,
Берегъ вѣчнаго веселья,
Незнакомые съ печалью
Гесперидовы сады.

Жизнь отдай во власть теченья,
И оно прибьетъ твой челнъ
Тамъ, гдѣ, словно ожерелья,
Многоцвѣтныя каменя
Поднялись надъ пѣной волнъ.

Дѣвы, благостно нагія,
Опустивъ къ землѣ глаза,
Встрѣтятъ странника, какъ друга,
Уведутъ тебя въ густые,
Свѣтлоствольные лѣса.

Тамъ, гдѣ клонить тиховѣино
Вѣтви древнія платанъ,
Заслоняя солнце юга,—
Въ голубыхъ струяхъ бассейна
Ты омоешь язвы ранъ.

Юный, сильный и веселый,
Ты вплетешься въ хороводъ,
Чтобы въ пѣсняхъ вѣковѣчныхъ
Славить море, славить доли
И глубокой небосводъ.

Освѣживъ, въ тѣни утеса,
Грудь изъ мраморныхъ цистернъ,
Ты, въ рядахъ друзей безпечныхъ,
Вновь помчишься вдоль откоса,
Обгоняя легкихъ сернъ.

Ты межъ лицъ, мелькнувшихъ въ пляскѣ,
Нѣжно выберешь лицо;
И тебѣ—рукопожатье,
Съ обѣщаньемъ сладкой ласки,
Передастъ, таясь, кольцо.

Встанетъ сумракъ. Изъ бокала
Брызнетъ нектаръ золотой.
Въ чьи-то жданныя объятя,
И покорно и устало,
Ты поникнешь головой.

3. ДЕДАЛЬ И ИКАРЪ.

ДЕДАЛЬ.

Мой сынъ! мой сынъ! Будь остороженъ.
Спокойнѣй крылья напрягай.
Подъ вѣтромъ путь нашъ ненадеженъ,
Сырыхъ тумановъ избѣгай.

ИКАРЪ.

Отецъ! ты далъ душѣ свободу,
Ты узы тѣла разрѣшилъ.
Что жъ медлимъ? выше! къ небосводу!
До вѣчной области свѣтилъ!

ДЕДАЛЬ.

Мой сынъ! Мы вырвались изъ плѣна,
Но пристань наша далека:
Подъ нами,—гривистая пѣна,
Надъ нами рѣютъ облака...

ИКАРЬ.

Отецъ! Что облака! Что море!
Удѣлъ нашъ—воля мощныхъ птицъ:
Взлетать на радостномъ просторѣ,
Метаться въ даляхъ безъ границъ!

ДЕДАЛЬ.

Мой сынъ! Лети за мною слѣдомъ,
И вѣрь въ мой зрѣлый, зоркій умъ.
Мнѣ одному надъ моремъ вѣдомъ
Воздушный путь до бѣлыхъ Кумъ.

ИКАРЬ.

Отецъ! Кчему теперь дороги!
Спѣши насытить счастьемъ грудь!
Вторично не позволять боги
До сферъ небесныхъ досягнуть!

ДЕДАЛЬ.

Мой сынъ! Не я ль уборъ пернатый
Самъ прикрѣпилъ къ плечамъ твоимъ?
Взлетимъ мы дважды, и трикраты,
И сколько разъ ни захотимъ!

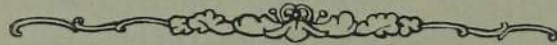
ИКАРЬ.

Отецъ Сдержать порывъ нѣтъ силы!
Я опьянѣлъ! я глухъ! я слѣпъ!
Взлетаю въ высъ, какъ въ глубь могилы,
Бросаюсь къ солнцу, какъ въ Эребъ!

ДЕДАЛЬ.

Мой сынъ! мой сынъ! Лети серединой,
Межъ первымъ небомъ и землей...
Но онъ—надъ стаяй журавлиной,
Но онъ—въ пучинѣ золотой!

О юноша! презрѣвъ земное,
Къ орбитѣ солнца взнесся ты.
Но крылья растопились въ зноѣ,
И въ море, вѣчно голубое,
Безумецъ рухнулъ съ высоты.

4. ОДИССЕЙ.

Пѣвцами всей земли прославленъ,
Я,— хитроумный Одиссей,
Но духъ мой темень и отравленъ,
И въ памяти гнѣздится змѣй.

Я помню день—какъ щить лазурный,
И зелень водъ и бѣлость пѣнъ,
Когда стремилъ насъ вѣтръ безбурный
Къ нагому острову сиренъ.

Ихъ угадавъ на камнѣ плоскомъ,
И различивъ прибрежный гулъ, —
Въ рукахъ согрѣтымъ, мягкимъ воскомъ
Я слухъ товарищей замкнулъ.

Себя же къ мачтѣ корабельной
Я далъ покорно привязать,
Чтобъ пѣсни лирной и свирѣльной
Соблазнъ опасный испытать.

И все мечта предугадала!
Когда, въ тиши морскихъ пустынь,
Вонзая сладостныя жала,
Пѣснь разлилась полубогинь, —

Вдругъ уязвленный мукой страстной,
Съ одной мечтой—спѣшить на зовъ,
Изъ тѣсныхъ узъ рвался напрасно
Я, доброволецъ межъ рабовъ!

И нашъ корабль пронесся мимо,
Сирены скрылись вдалекѣ,
Ихъ чаръ избѣгъ я невредимо...
Но нѣтъ конца моей тоскѣ!

Зачѣмъ я былъ спокойно-мудрымъ,
Провидѣлъ тайны водъ сѣдыхъ,
Не вышелъ къ дѣвамъ темнокудрымъ
И не погибъ въ объятяхъ ихъ!

Чтобъ вновь извѣдать той отравы,
Вернуть событій колесо,
Я отдалъ бы и гимны славы,
И честь, и ложе Калипсо!

5. ЭНЕЙ.

Къ встающимъ башнямъ Карѳагена
Нептуна гнѣвомъ приведенъ,
Я въ узахъ сладостнаго плѣна
Дни проводилъ какъ дивный сонъ.

Ахъ, если боги дали счастье
Земнымъ созданіямъ въ удѣлъ,
Въ тѣ дни любви и сладострастья
Я этой тайной овладѣлъ!

И быть всю жизнь въ такой неволѣ,—
Царицы радостнымъ рабомъ,—
Душѣ казалось лучшей долей
И всѣхъ былыхъ трудовъ вѣнцомъ!

И ночь была надъ соннымъ градомъ...
Былъ выпить пламенный фіаль...
Въ тиши дворца, съ царицей рядомъ,
На ложѣ царскомъ я дремалъ.

Еще я помнилъ вздохи, стоны,
Весь нашъ порывъ,—въ неясномъ снѣ,
И грудь горячая Дидоны
Все льнула трепетно ко мнѣ...

И вотъ—внезапный свѣтъ сквозь тѣни,
И шелестъ окрыленныхъ ногъ.
Надъ ложемъ сумрачнымъ—Цилленій
Склоняетъ посохъ, вѣстникъ-богъ.

„Внемли“,—вѣщаетъ,—„сынъ богини!
„Ты медлишь, но не медлитъ Рокъ!
„Ты избранъ былъ хранить святыни,
„И подвигъ твой, въ вѣкахъ, высокъ.

„Земная страсть да спитъ въ героѣ!
„Тебѣ ль искать ливійскихъ нѣгъ,
„Когда ты призванъ—Новой Трои
„Взрастить торжественный побѣгъ?

„Узнай глаголы Громовержца:
„Величью покорись, плыви
„Къ предѣламъ Итала,—изъ сердца
„Исторгнувъ помыслы любви!“

Видѣнье скрылось, какъ зарница,
И голосъ замеръ, какъ мечта.
Сквозь сонъ, открывъ глаза, царица
Ко мнѣ приподняла уста...

Но я, безумный, съ ложа прынулъ,
Я отвратилъ во тьму глаза.
И утромъ трубный голосъ грянулъ
И флотъ нашъ поднялъ паруса.

П Р И В Ъ Т С Т В І Я .

І. КЪ МЪДНОМУ ВСАДНИКУ.

Въ морозномъ туманѣ бѣлѣетъ Исакій.
На глыбѣ оснѣженной висится Петръ.
И люди проходятъ въ дневномъ полумракѣ,
Какъ будто предъ нимъ выступая на смотрѣ.

Ты такъ же стоялъ здѣсь, обрызганъ и въ пѣнѣ,
Надъ темной равниной взмучившихся волнъ;
И тщетно грозилъ тебѣ бѣдный Евгений,
Охваченъ безуміемъ, яростью полнъ.

Стоялъ ты, когда между криковъ и гула,
Покинутой рати ложились тѣла,
Чья кровъ на снѣгахъ продымилась, блеснула,
И полюсь земной растопить не могла.

Смѣняясь, шумѣли вокругъ поколѣнья,
Вставали дома, какъ посѣвы твои...
Твой конь попиралъ съ беспощадностью звеня
Безсильно подъ нимъ изогнутой змѣи.

Но сѣверный городъ—какъ призракъ туманный,
 Мы, люди, проходимъ, какъ тѣни во снѣ.
 Лишь ты сквозь вѣка, неизмѣнный, вѣнчанный,
 Съ рукою простертой летишь на конѣ.

Петербургъ, 1905.

2. КАРЛЪ XII.

ПАМЯТНИКЪ ВЪ СТОКГОЛЬМѢ.

Ты въ древнихъ сагахъ былъ предсказанъ,
 Послѣдній викингъ, вождь-герой!
 Мечтой вѣковъ миропомазанъ
 За Сѣверъ на смертельный бой!

Ты принялъ безпощадный вызовъ,
 Повѣривъ въ помощь тайныхъ силъ,
 Свой подвигъ, сана не униживъ,
 Какъ Рыцарь Полюса свершилъ.

И пусть, обмануть зовомъ славы,
 Ты дерзко жребіи металъ,
 Пусть на пустыхъ поляхъ Полтавы
 Судьбу столѣтій проигралъ,—

Но сны завѣтные народа
 Въ тебѣ свой образъ обрѣли,
 Сны духовидца, морехода,
 Завоевателя земли!

Стоишь ты, призракъ древней саги,
Въ своей столицѣ надъ толпой
И вдохновеннымъ взмахомъ шпаги,
Какъ прежде, манишь за собой.

Мнѣ, гостю съ вражьяго Востока,
Склониться предъ тобой дозволю,
Игрокъ безумный въ кости Рока,
Вѣнчанный Полюсомъ король!

Stockholm, 1906.

3. КЪ СОБОРУ КЭМПЕРА.

Я былъ разорванъ мукой страстной,
Язвимъ извилистой тоской,
Когда, безмѣрный, но безгласный,
Во тьмѣ ты выросъ предо мной.

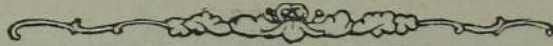
Созданье канувшихъ столѣтій!
Воңзая въ небо двѣ иглы,
Ты всталъ при тихомъ, звѣздномъ свѣтѣ,
Какъ властелинъ надземной мглы.

Моимъ мечтамъ, всегда тревожнымъ,
Моей безсильной волѣ—ты
Сказалъ безъ словъ о невозможномъ
Сліяньи силы и мечты!

Меня сдвигъ ты, неотступный,
Всей тяжестью былыхъ временъ,
И былъ я, жалкій и преступный,
Твоимъ величьемъ обличенъ.

И вотъ—бродяга безымянный
На темной площади поникъ
Передъ тобой, старикъ вѣнчанный,
Какъ предъ Изидой ученикъ.

Quimper, 1908.

4. ОПЯТЬ ВЪ ВЕНЕЦИИ.

Опять встрѣчаю съ дрожью прежней,
Венеція, твой пышный прахъ!
Онъ величавѣй, безмятежнѣй
Всего, что создано въ вѣкахъ!

Что нашихъ робкихъ дерзновеній
Полетъ, лишенный крыльевъ! Здѣсь
Посмѣлъ желать народный геній
И замысль свой исчерпать весь.

Гдѣ грезятъ древнія палаты,
Являя мраморные сны,
Не горько вспомнить мнѣ не сжатый
Посѣвъ моей былой весны,

И надъ руиной Кампаниле,
Вѣнчавшей прежде обликъ твой,
О всемъ прекрасномъ, что въ могилѣ,
Мечтать съ поникшей головой.

Пусть гибнетъ все, въ чемъ время вольно,
И въ краткой жизни и въ вѣкахъ!
Я вновь цѣлую богомольно
Венеціи безсмертный прахъ!

Venezia, 1908

5. НА ФОРУМЪ.

Не какъ пришлецъ на римскій форумъ
Я приходилъ—въ страну могилъ,
Но какъ въ знакомый міръ, съ которымъ
Одной душой когда-то жилъ.

И, какъ во снѣ родныя тѣни,
Встрѣчалъ я съ радостной тоской
Базиликъ рухнувшихъ ступени
И плиты древней мостовой.

А надо мною,—какъ вершина
Великихъ, пройденныхъ вѣковъ,
Вѣнчали арки Константина
Руину храмовъ и дворцовъ.

Дорогъ строитель чудотворный,
Народъ Траяна! Твой завѣтъ,
Спокойный, строгій и упорный,
Въ гранитъ и мраморъ здѣсь одѣтъ.

Твоихъ развалинъ камень каждый
Напоминаетъ мнѣ—вести
Къ метѣ, намѣченной однажды,
Среди пустынь свои пути.

Ромы. 1908

6. НАДЪ ОКЕАНОМЪ.

1. ОТЛИВЪ.

Волной, какъ щупальцемъ огромнымъ,
Ты осязаешь землю. Ночь
Темнѣетъ надъ тобою, темнымъ.
Но ты, съ лобзаньемъ скорбно-скромнымъ,
Отъ смуглыхъ скалъ отходишь прочь.

Громадный, страшный, всемогущій!
Ты кроешь грозный видъ лица.
Отъ вѣка и до нынѣ сущій,
Ты, этой ночью, бардъ, поющій
О тихой сладости конца.

Я вижу: древніе граниты
Разбиты ревностью твоей.
Я знаю: пьяный и сердитый,
Ты мечешь каменные плиты,
Какъ рѣчка груду голышей.

Но зовъ отлива полонъ ласки,
Сквозь сумракъ манить и томить,
И я готовъ, повѣривъ сказкѣ,
Бѣжать къ тебѣ, вмѣшаться въ пляски
Твоихъ бессмертныхъ nereидъ.

II. ПРИЛИВЪ.

Пробилъ часъ. Ты вновь безволенъ,
Вновь, взыгравъ, бѣжишь къ землѣ.
Обезличенъ, обездоленъ,
Безпощадной страстью боленъ,
Тяжкой грудью льнешь къ скалѣ.

Что ты хочешь, дикій, пьяный,
Лаской бѣшенныхъ зыбей?
Что крутишь песокъ багряный?
Что вонзаешь зубы въ раны
Ты—возлюбленной своей?

Громоздя на стѣны стѣны,
Рушишь ты за валомъ валъ.
Но всегда страшась измѣны,
Покрываломъ бѣлой пѣны
Кроешь плечи смуглыхъ скалъ.

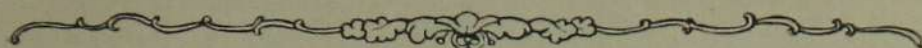
Поспѣшивъ, съ протяжнымъ ревомъ,
Въ ихъ объятія вновь упасть,
Ты встаешь, съ усиьемъ новымъ,
Все несатымъ, все готовымъ
Утолять глухую страсть.

Стой! Безъ силъ и безъ движенія
Вся земля—какъ трупъ нѣмой.
Что жъ ты, въ буйствѣ вождельня,
Мечешь ей въ лицо камня
И крушишь ее собой!

Saint-Jean-de-Luz, 1908.

СОВРЕМЕННОСТЬ.

1. СЛУЖИТЕЛЮ МУЗЪ.

Свой хоръ завѣтный водятъ музы
Вдали отъ дольныхъ золь и бѣдъ.
Но ты родныя Сиракузы
Люби, какъ древле Архимедъ!

Когда бросаетъ ярость вѣтра
Въ лицо намъ вражьи знамена,—
Сломай свой циркуль геометра,
Прими доспѣхъ на рамена!

И если врагъ, пятой надменной,
На грудь страны поникшей сталь,—
Забудь о таинствахъ вселенной,
Поспѣшно отточи кинжалъ!

Священны миги роковые,
Въ порывѣ гнѣва тайна есть,
И ликъ склоняетъ Уранія,
Когда встаетъ и кличетъ мечь!

Пусть боги смотрятъ безучастно
 На скорбь земли: ихъ вѣченъ вѣкъ.
 Но только страстное прекрасно
 Въ тебѣ, мгновенный человѣкъ!

1905.

2. ФЛОРЕАЛЬ 3 ГОДА.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Отзвенѣли дни зимы.
 Вновь лазурью дышимъ мы,
 Сердцу сердца снова жаль, —
 Манитъ сладкій флореаль!
 Выходи, желанный другъ,
 За фіалками на лугъ.

ДРУГОЙ.

Въ черной бурѣ нашихъ дней
 Быть намъ вспышками огней!
 Намъ во вражескихъ рядахъ
 Сѣять смерть и сѣять страхъ!
 Кратки сроки, трудъ великъ,
 Стоитъ вѣка каждый мигъ!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Ахъ! не жизнь ли коротка?
 Ломокъ стебель василька;
 Какъ волна, невѣренъ день...
 Тамъ, гдѣ ива клонитъ тѣнь,
 Мы, сокрытые вдвоемъ,
 Губы юныя сомкнетъ!

ДРУГОЙ.

Новый міръ—какъ страшный сонъ —
Предъ столѣтьями зажженъ!
Дубъ и кедръ съ высокихъ горъ
Повергаемъ мы въ костеръ!
Словно углю, дай и мнѣ
Вспыхнуть въ яростномъ огнѣ!

1906.

3. ДУХЪ ЗЕМЛИ.

Schreckliches Gesicht!
G o e t h e.

Въ порывѣ скорби и отваги,
Тебя, о мощный Духъ Земли,
Мы, какъ неопытные маги,
Неосторожно заклиали.

Ты всталъ, громаденъ и ужасенъ,
На гордый зовъ, на дерзкій кликъ,
Такъ ослѣпительно прекрасенъ
И такъ чудовищно великъ!

Ступилъ,—и рухнули громады
Хранимыхъ робко городовъ;
Дохнулъ на толпы, безъ пошады,—
И смель безумныхъ гордецовъ.

Ты наше маленькое знамя
 Вознесъ безжалостной рукой,
 Чтобъ съ нимъ, подъ громъ, скрутилось пламя,
 Въ полетѣ тучи грозовой.

Ты озарилъ намъ глубь столѣтій,
 И тамъ, за дымомъ и огнемъ,
 Открылось нѣчто въ рдяномъ свѣтѣ,
 Какъ странный сонъ въ краю иномъ.

И вотъ, отпрянувъ, мы трепещемъ,
 Заклятья повторяя вслухъ:
 Да остановимъ, словомъ вѣщимъ,
 Тебя,—неукротимый Духъ!

1907.

4. НАШЪ ДЕМОНЫ.

Ἀπάντι δαιμόνων ἀνδρά.

Μένανδρος.

У каждаго свой тайный демонъ.
 Влечетъ неумолимо онъ
 Наполеона черезъ Нѣманъ
 И Цезаря чрезъ Рубиконъ.

Не демонъ ли тебѣ, Россія,
 Пути указывалъ въ быломъ,—
 На берегъ Сити въ дни Батыя,
 На берегъ Дона при Донскомъ?

Не онъ ли вель Петра къ Полтавѣ,
Чтобъ вывести къ струямъ Невы,
И дни Тильзита, дни безславій,
Затмилъ пыланіемъ Москвы?

Куда жъ теперь, отъ скаль Цусимы,
Отъ ужаса декабрьскихъ дней,
Ты насъ влечешь, неодолимый?
Не видно вѣхъ, и нѣтъ путей.

Гдѣ ты, нашъ демонъ? Или бросилъ
Ты ввѣренный тебѣ народъ,
Какъ моряка безъ мачтъ и весель,
Какъ путника въ глуши болотъ?

Явись въ лучахъ, какъ стражъ Господень,
Иль встань какъ призракъ гробовой,
Но дай намъ знакъ, что не бесплодень
Столѣтій подвигъ роковой!

1908.

5. КОМУ - ТО.

Фарманъ, иль Райтъ, иль кто бъ ты ни былъ!
Спѣши! насталь послѣдній часъ!
Корабль исканій въ гавань прибылъ,
Просторы неба манятъ насъ!

Надъ поколѣніемъ пропѣла
Свой вызовъ пламенная мѣдь,
Давая знакъ, что косность тѣла
Намъ должно волей одолѣть.

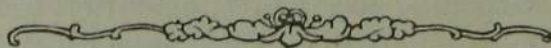
Нашъ вѣкъ вновь въ Дѣдала повѣрилъ,
Его суровый ликъ вознесъ,
И мертвымъ циркулемъ измѣрилъ
Возможность невозможныхъ грезъ.

Осуществители, мы смѣемъ
Ловить пророчества въ быломъ,
Мы зерна древнія лелѣемъ,
Мы урожай столѣтій жнемъ.

Такъ! мы исполнимъ завѣщанье
Великихъ предковъ. Шаръ земной
Мы полно примемъ въ обладанье,
Гордясь короной четверной.

Пусть, торжествуя, вихрь могучій
Взрѣзаютъ крылья корабля,
А тамъ, внизу, въ прорывахъ тучи,
Синѣетъ и скользитъ земля!

Brest, 1908.

ПОСЛАНИЯ.

Г. М. А. ВРУБЕЛЮ.

Отъ жизни лживой и извѣстной
Твоя мечта тебя влечетъ
Въ просторъ лазурности небесной
Иль въ глубину сапфирныхъ водъ.

Намъ недоступны, намъ незримы,
Межъ сонмовъ вопіющихъ силъ,
Къ тебѣ нисходятъ серафимы,
Въ сіяньи многоцвѣтныхъ крыль.

Изъ теремовъ страны хрустальной,—
Покорны сказочной судьбѣ,
Глядятъ, лукаво и печально,
Наяды, вѣрныя тебѣ.

И въ часъ на огненномъ закатѣ,
Межъ горъ предвѣчныхъ видѣлъ ты,
Какъ духъ величій и проклятій
Упалъ въ провалы съ высоты.

И тамъ, въ торжественной пустынѣ,
Лишь ты постигнуль до конца—
Простертыхъ крыльевъ блескъ павлиній
И скорбь эдемскаго лица!

2. З. Н. ГИППУСЪ.

Твои стихи поютъ какъ звучный
Въ лѣсу стремящійся ручей;
Съ нимъ незабудки неразлучны
И тѣни зыбкія вѣтвей.

Порой, при мѣсяцѣ, глядится
Въ него косматый лѣсовикъ,
И въ немъ давно купать копытца
Чертенокъ маленькій привыкъ.

Однажды въ годъ, въ святой Сочельникъ,
Сіяетъ Ангелъ надо льдомъ,
И скачутъ зайцы черезъ ельникъ,
Испуганы живымъ лучомъ.

Не всѣмъ, быть можетъ, внятень ропоть
Въ лѣсу звенящихъ, тихихъ струй:
Ихъ заглушаетъ жизни топоть,
Крикъ битвы, страстный поцѣлуй.

Но въ вѣчныхъ даляхъ не устанеть
Земля—чертить круги орбитъ,
И много пѣсенъ въ бездну канеть,
И много шумовъ отзвучить.

И новымъ людямъ, въ жизни новой,
Какъ нынче, ясенъ и пѣвучъ,
Все будетъ пѣть, за мглой еловой,
Твоихъ стиховъ безсмертный ключъ!

И будетъ лѣсовикъ, какъ прежде,
Глядѣться въ зеркалъ его,
И Ангель, въ пламенной одеждѣ,
Надъ нимъ сіять подъ Рождество!

3. АНДРЕЮ БѢЛОМУ.

Насъ не призывалъ посланникъ Божій,
Въ свой часъ, какъ братьевъ, отъ сѣтей,
И долго были непохожи
Изгибы нашихъ двухъ путей.

Ты былъ, безуміемъ и вѣрой,
На высь Фавора возведенъ;
Какъ Данте, яростной пантерой,
Былъ загнанъ я на горный склонъ.

Но на высотахъ, у стремнины,
Смутясь, мы встрѣтились съ тобой.
Со мною былъ—мой жезлъ змѣиный,
Съ тобой—твой посохъ костяной.

И въ темный путь пошли мы рядомъ...
Но кто-то третій близко былъ.
Палящей страстью, жгучимъ ядомъ,
Онъ нашу душу опалилъ.

И, — помню, — кроя въ сердце муку,
Какъ смертный, впившійся кинжалъ,
Братоубійственную руку
Я на поэта подымалъ...

И что жъ! на пламени сомнѣнья,
Что злобно зыблила вражда,
Сковались тайной цѣпи звенья,
Насъ съединившей навсегда.

Я, въ миги страшные, измѣрилъ
Твоихъ безумій правоту,
И ты, восторженный, повѣрилъ
Въ мою спокойную мечту.

Пойдемъ ли дальше въ путь единый,
Иль каждому—удѣлъ иной,
Тебѣ дарю я жезлъ змѣиный,
Беру твой посохъ костяной.

День ярко гаснетъ на откосахъ,
Клубится сумракъ по землѣ.
Да будетъ мнѣ твой бѣлый посохъ
Путеводителемъ во мглѣ!

4. М. А. КУЗМИНУ.

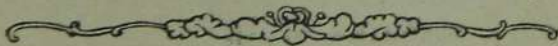
АКРОСТИХЪ.

Мгновенья льются, какъ потокъ безсмѣнный,
Искусство—радугой виситъ надъ нимъ.
Храни, храни, подъ вѣтромъ міровымъ,
Алтарь своей мечты, огонь священный!

И пусть твой стихъ, и пламенный и плѣнный,
Любовь и радость славить. Мы спѣшимъ
Улыбчивымъ созданіямъ твоимъ,
Какъ божествамъ, сплести вѣнокъ смиренный.

Умолкли шумы дня. Еще размѣрнѣй
Звучитъ твой свѣтлый гимнъ въ тиши вечерней,
Мелькаютъ лики, вызваны тобой.

И мы, о мистагогъ, передъ святыней
Невольно клонимся,—и къ тверди синей,
Увѣнчанъ, ты возносишь факель свой.

5. РАВНОМУ.

ОТВѢТЪ НА ЕГО ПОСЛАНІЕ.

Не бойся ѣдкихъ осужденій,
 Но упоительныхъ похвалъ.

Е. Баратынскій.

Нѣтъ, не бойся словъ враждебныхъ,
 Вольныхъ вызововъ къ борьбѣ,
 Въ гулъ выкриковъ хвалебныхъ,
 Въ царство грезъ твоихъ волшебныхъ,
 Вдругъ домчавшихся къ тебѣ!

Хорошо, что въ нашемъ мірѣ
 Есть, кого въ борьбу вовлечь,
 Что другой, какъ ты въ порфирѣ,
 Что насъ двое на турнирѣ,
 Что на мечъ отвѣтитъ мечъ!

Опусти свое забрало,
 Ладь оружіе свое:
 Это—боя лишь начало,
 Это только простучало
 Затупленное копье!

6. ВОЗСОЗДАТЕЛЮ.

ВЯЧ. ИВАНОВУ.

Спокойный взоръ вперивъ въ обломокъ
 Изваяннаго лика,—ты,
 Друидовъ сумрачныхъ потомокъ,
 Постигъ разбитыя черты.

Коснувшись мрамора нѣмого
Своимъ магическимъ жезломъ,
Ему вернулъ ты силу слова,
Былую жизнь затеплилъ въ немъ.

Ты стройность далъ безсвязнымъ грудамъ,
Въ безликомъ обликъ угадалъ,
И,—чудотворецъ!—этимъ чудомъ
Мое созданье оправдалъ!

7. ВСТРѢЧНОЙ.

Онѣ не созданы для міра.

М. Лермонтовъ.

Во вселенной, страшной и огромной,
Ты была—какъ листикъ въ водопадѣ,
И блуждала странницей бездомной,
Съ изумленьемъ горестномъ во взглядѣ.

Ты дышать могла одной любовью,
Но любовь таила скорбь и муки.
О, какъ быстро обагрялись кровью
Съ нѣжностью протянутыя руки!

Ты отъ всѣхъ ждала участя—жадно,
Всѣ обиды, какъ дитя, прощала,
Но въ тебя вонзались беспощадно
Острыя, безчисленныя жала.

И теперь ты брошена на камни,
Какъ цвѣтокъ, измолотый потокомъ.
Бѣдная былинка, ты близка мнѣ, —
Мимо увлекаемому Рокомъ!

S. E. T.

Кто глаза ея оправиль
Въ завлекательный магнитъ?
Вмѣсто сердца камень вставиль,
Желтый камень хризолитъ?

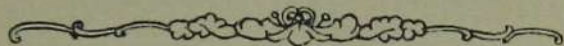
И когда въ блестящемъ залѣ,
Взоръ склонивъ, скользитъ она, —
Словно искрится въ бокалѣ
Ледяной огонь вина!

Смѣхъ ея — что звонкій голосъ
Разыгравшихся дріадъ.
Какъ на колосъ спѣлый колосъ,
Косы сложены назадъ.

Ахъ, я вѣрю! въ часъ, какъ щелкнетъ
Оградительный замокъ,
И весь міръ, кругомъ, примолкнетъ,
Словно скромень и далекъ, —

Что за радость къ этимъ губкамъ
 Губы алчныя склонить,
 Этимъ жгучимъ, острымъ кубкомъ
 Жажду страсти утолить!

Да, я вѣрю: въ этомъ тѣлѣ
 Взвивность синяго огня!
 Здѣсь опасность, — въ самомъ дѣлѣ! —
 Чуръ меня! ахъ, чуръ меня!

9. НАЧИНАЮЩЕМУ.

...доколь въ подлунномъ мірѣ
 Живъ будетъ хоть одинъ пійтъ!
 А. П у ш к и н ъ

Нѣтъ, мы не только творцы, мы всѣ и хранители тайны!
 Въ образахъ, въ ритмахъ, въ словахъ есть откровенья вѣковъ.
 Гимновъ завѣтные звуки для слуха жрецовъ не случайны,
 Праздный въ нихъ различить лишь сочетанія словъ.
 Пиндаръ, Вергилій и Данте, Гете и Пушкинъ — согласно
 Въ явные знаки вплели скрытыхъ намековъ черты.
 Ихъ угадавъ, задрожалъ ли ты дрожью предчувствій неясной?
 Нѣтъ? такъ сними свой вѣнокъ: чуждъ Полигимніи ты.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF CHEMISTRY
1954

RESEARCH REPORT
NO. 1000
BY
J. H. GOLDSTEIN

RECEIVED

APRIL 15 1954

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF CHEMISTRY
57 SOUTH EAST ASH AVENUE
CHICAGO, ILLINOIS 60607
U.S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1954

ИСПОЛНЕННОЕ ОБЪЩАНІЕ.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

Благоговейно посвящается

памяти

В. А. Жуковского.

ИСПОЛНЕННОЕ ОБЪЩАНІЕ.

I

Угрюмъ и грозенъ замокъ Твидь.
Онъ со скалой какъ будто слить,
Какъ будто выросъ изъ скалы.
Гнѣзятся по угламъ орлы,
Отъ стѣнъ идетъ нагой отвѣсъ,
Внизу синѣетъ хвойный лѣсъ,
И, недоступно далека,
Змѣится бѣлая рѣка.

Владыка замка, Гуго Твидь,
Давно войной и славой сытъ.
Довольно у него добра,
Мѣховъ, коней и серебра;
Казнѣ его и счета нѣтъ;
Съ нимъ не тягается сосѣдъ,
А Твидь оспорить короля;
Подвластны Твиду всѣ поля,
Докуда достигаетъ взоръ;
Въ его рукѣ какъ громъ топоръ;
Ему покорна и вѣрна
Его прекрасная жена.

Ее онъ дѣвочкой увезъ
На свой незыблемый утесъ;
Хранилъ года, какъ цѣнный кладъ;
Воспитывалъ, какъ добрый братъ,
Чтобъ послѣ выбрать жениха;
Берегъ отъ тайнаго грѣха
Межъ вѣрныхъ слугъ и старыхъ дѣвъ;
Но, Божьей волей, овдовѣвъ,
Назначилъ ей удѣлъ иной,
И сдѣлалъ плѣнницу женой.

Гертруда вся—какъ сладкій сонъ.
Туманной тѣнью углубленъ
Ея лучистый взоръ; у ней
Звукъ голоса—какъ пѣнье фей,
И розсыпь золотыхъ волосъ—
Какъ кудри дѣвъ изъ міра грезъ;
Она легка—какъ тихій снѣгъ,
Ея беззвученъ легкій бѣгъ,
Ея шаговъ не помнитъ слухъ.
Какъ будто мимо вѣялъ духъ.

Вся жизнь Гертруды, съ раннихъ лѣтъ,
Прошла, вдали отъ золь и бѣдъ,
На неприступной высотѣ.
Она лишь смутно, какъ въ мечтѣ,
Знавала рѣки и лѣса;
Ей ближе были небеса,
Гдѣ тихо облака плывутъ,
Гдѣ ночью ангелы поютъ,
Да лики съ сумрачныхъ иконъ—
Христа и вдумчивыхъ Мадоннъ.

Она была страстей чужда,
Людей не зная; иногда
Ей пѣль зашедшій къ нимъ пѣвецъ
О связи любящихъ сердецъ,
Но внятнѣй, чѣмъ любовный стихъ,
Ей были житія святыхъ.

И, зная, какъ она живетъ,
Легенды, заживо, народъ
Объ ней слагаль,—и слухъ ходилъ,
Что чудо ей Господь явилъ.
Въ своей молельнѣ, въ дни поста,
Она усердно у креста
Одна молилась въ поздній часъ,
И слезы изъ прекрасныхъ глазъ
Лились Христу на язвы ногъ;
И, вдругъ, изваянный вѣнокъ,
Надъ каменнымъ святымъ челомъ,
Расцвѣлъ, какъ вѣтка подъ дождемъ!
И вѣрили,—что вся страна
Ея мольбой охранена.

2.

Шестыя сутки въ замкѣ Твидъ
Огонь до полночи блеситъ.
Въ восточной башнѣ угловой
Гость водворился дорогой:
Графъ Робертъ,—Гуго давній другъ.
Одинъ, безъ спутниковъ и слугъ,

Обѣтомъ связанный своимъ,
Идетъ онъ, скромный пилигримъ,
Въ одеждѣ инока и босъ,
Въ страну, гдѣ пострадалъ Христось.

Свершилъ графъ Робертъ смертный грѣхъ...
И нѣтъ съ тѣхъ поръ ему утѣхъ,
И чуждъ ему веселый пиръ,
И грустенъ радостный турниръ.
Въ его душѣ клеймо одно
Рукой горящей вождено;
Въ его душѣ одна лишь страсть:
Предъ гробомъ Господа упасть
И вымолить себѣ покой...
Зачѣмъ же въ башнѣ угловой,
Гдѣ думалъ вечеръ отдохнуть,
Онъ медлитъ, позабывъ свой путь?

Графъ Робертъ—молодъ и красивъ.
Въ его кудряхъ стальной отливъ;
Всегда онъ смотритъ словно въ даль;
Но, затаивъ въ себѣ печаль,
Его глаза—какъ два клинка;
Его слова, какъ облака,
Мѣняють формы каждый мигъ;
Но ярче и мудрѣ книгъ
Его обдуманная рѣчь,
Сердца разящая, какъ мечъ.

Съ Гертрудой встрѣтись въ первый разъ,
Не поднялъ Робертъ темныхъ глазъ.

То было поздно, въ часъ глухой,
На узкой лѣстницѣ витой,
Гдѣ злая тѣни, при огнѣ,
Качались грозно по стѣнѣ.
Промолвилъ онъ, лицо клоня:
„Молись, святая, за меня!“
И былъ встревоженной мольбой
Ея отвѣтъ: „Господь съ тобой!“

Но, день спустя, въ такой же часъ,
Опять вдали отъ чуждыхъ глазъ,
Они сошлись. Былъ мракъ уныль,
Надъ черной бездной вѣтеръ выль,
И въ свѣтѣ молніи—блѣдна
Была Гертруда у окна.
Шепнулъ смиренный пилигримъ:
„Твоей молитвой я хранимъ
Сегодня!“ Но, смотря во тьму,
Та не отвѣтила ему.

Когда же, въ третій разъ, опять
Пришлось имъ вмѣстѣ задрожать
На башнѣ передъ ликомъ звѣздъ,—
Съ груди сорвалъ онъ черный крестъ,
И палъ къ ногамъ ея, и ей
Сказалъ безвольно: „Будь моей!“
Сказалъ, и къ ней лицомъ приникъ...
И темень былъ безмолвный мигъ...
Но вдругъ, какъ солнце впереди,
Ея отвѣтъ зажегся: „Жди!“

Письмо Гертруды.

„Мой господинъ! мой царь! мой братъ!
Свершилось. Нѣтъ пути назадъ.
Не жаль мнѣ въ прошломъ ничего.
Хочу лишь взора твоего,
Твоихъ, огнемъ горящихъ, устъ.
Міръ безъ тебя и дикъ и пусть.
Я годы цѣлые спала;
Взошла денница и сожгла
Мои глаза своимъ лучомъ.
Рублю я радостнымъ мечомъ
Нить жизни краткой—пополамъ.
Души спасенье я отдамъ
За день съ тобою,—и въ Аду
У ногъ твоихъ я Рай найду!
Какъ сонъ, я скину дни мои!
Увижу лѣсъ, поля, ручьи,
Увижу вольныхъ пѣвчихъ птицъ!
У нашихъ западныхъ границъ
Есть логъ и три Проклятыхъ Пня.
На склонѣ дня тамъ жди меня!“

3.

Алѣютъ тихо облака.
И безразсудна и робка,
Лицо закрывъ густой фатой,
Въ одеждѣ странницы простой,
Гертруда вышла изъ воротъ.
Ее никто не поведетъ,

Ее никто не охранить,—
Но тщетно будетъ Гуго Твидъ
Искать измѣнницы-жены.
Ея движенья рѣшены,
Какъ рѣшена ея судьба:
Она—счастливая раба,
Пока захочетъ властелинъ,
Пусть жизнь, пусть годъ, пусть день одинъ.
А послѣ—дальній монастырь
Ей вновь закроетъ высь и ширь.

Межъ буковъ мрачныхъ и нѣмыхъ,
Дорогой, полной чаръ лѣсныхъ,
Скользить Гертруда въ тишинѣ,
И міръ предъ ней—какъ міръ во снѣ,
Какъ память о иныхъ мірахъ,
Порой томящая въ мечтахъ.
Пьянить свобода, какъ вино,
И сердце мыслью прожжено:
Онъ ждетъ, онъ встрѣтитъ, и они
Сольютъ свои уста въ огни,
Сплетутъ извивы нѣжныхъ рукъ,
Замрутъ въ истомѣ сладкихъ мукъ.
И страстный взглядъ любимыхъ глазъ
Она увидитъ въ первый разъ!

Она идетъ впередъ, впередъ...
Такъ лишь лунатики обходъ
Свершаютъ ночью вдоль стѣны
При свѣтѣ пристальномъ луны.
Она скользитъ, какъ легкій челнъ
По вѣтру, надъ качаньемъ волнъ,

Храня безволіе свое.
Не ангель ли ведетъ ее?
Не Богъ ли правый съ высоты
Благословилъ ея мечты?

Но чу! глухой, далекій скокъ.
И вторить лѣсъ и вторить логъ
Бряцанью шпоръ и лаю псовъ.
Не скрыться межъ лѣсныхъ стволовъ!
Не упредить лихихъ коней!
Все ближе, ближе, все яснѣй,
Все беспощаднѣй стукъ копытъ,—
И предъ Гертрудой Гуго Твидъ!

4.

Глуха подземная тюрьма.
Въ ней смрадъ и сырость, тишь и тьма.
Порой въ ней тѣни говорятъ,
И кости давнія стучать
Подъ непривычною ногой,
Рождая отзвукъ гробовой,—
Но звуки, умирая тутъ,
Гранитной толщи не пробьютъ,
Ни въ замкъ, ни среди полей
Ничьихъ не возмутятъ ушей!
И съ воли къ тѣмъ, кто здѣсь забытъ,
Зовъ ни одинъ не долетитъ!

Припавъ къ стѣнѣ, въ сыромъ углу,
Гертруда не глядитъ во мглу,

Не плачетъ, тщетно не зоветъ.
На мигъ сверкнулъ ей небосводъ
Сіяньемъ пламенной зари,—
И вновь померкли янтари.
На мигъ, въ сіяющемъ вѣнцѣ,
Съ улыбкой странной на лицѣ.
Маня, предстала ей Любовь,—
И въ темный гробъ упала вновь.
На мигъ зажглась надъ ней звѣзда,—
Чтобъ закатиться навсегда!

Томятъ видѣнья въ тишинѣ!
Въ бреду больномъ иль въ зыбкомъ снѣ
Гертруда видитъ дальній лѣсъ,
Глубь вечерѣющихъ небесъ,
И логъ и три Проклятыхъ Пня ..
При свѣтѣ меркнушаго дня,
Къ сухой корѣ лицомъ припавъ,
Тамъ ждетъ ее печальный графъ.
Его глаза блестятъ во мглѣ;
Высокій посохъ—на землѣ;
А что въ его рукѣ?—кинжалъ?
Всталъ полный мѣсяцъ, кругло-аль,
И чрезъ глазницы мрачныхъ тучъ
Сталъ наводить на все свой лучъ.

И кажется Гертрудѣ вдругъ:
Благоухаетъ логъ и лугъ,
И снова, по травѣ полянъ,
Она бѣжитъ въ ночной туманъ.
Слабѣютъ силы; на ногахъ
Какъ будто цѣпи; хладный страхъ

Растетъ на сердцѣ... Поворотъ...
И старый букъ... И онъ... И вотъ
Слетаетъ съ устъ невольный стонъ,—
И милый, милый къ ней склоненъ!
Она сквозь слезы, чуть жива,
Лепечетъ нѣжныя слова,
И слышитъ лепетъ нѣжныхъ словъ,
И видитъ страстный блескъ зрачковъ,
И, холодѣя вся, какъ трупъ,
Впиваетъ ласку жданныхъ губъ.

Что это? смерть иль страсти мигъ?
Стонъ боли или счастья крикъ?
Со странно-радостнымъ лицомъ
Поверглась узница ничкомъ.
Въ темницѣ, царственно-одна,
Стоитъ и смотритъ тишина.

5.

Померкъ на западѣ пожаръ.
Настало время тайныхъ чаръ.
Раскрыли звѣзды ширь и высь;
Сквозь вѣтви эльфы пронеслись;
Вдали короной золотой
Блеснулъ подъ букомъ Царь Лѣсной;
И на полянѣ смѣхъ звончѣй
Его безпечныхъ дочерей.

Но графа не коснется страхъ.
Не лезвее ль въ его рукахъ?
Не крестъ ли на его груди?
Но мракъ все гуще впереди.
Давно прошелъ условный часъ,
Плыль мѣсяць, и межъ тучъ угасъ,
Была надежда и прошла,
И мгла кругомъ, и въ сердцѣ мгла...
Слабѣть, никнетъ гордый духъ,
И графъ молитву шепчетъ вслухъ.

„Ты не пришла, ты не придешь!
Твое письмо—иль смѣхъ иль ложь!
А я, смиренный пилигримъ,
Обѣтомъ связанный своимъ,
Посмѣль о радости мечтать!
Бѣжать я долженъ, словно тать,
Въ Святую Землю поспѣшить,
У гроба Господа сложить
И прежній грѣхъ и эту страсть!
Къ кресту пречистому припасть,
Да скажетъ мнѣ Господь: Пролью
Елей Я на-душу твою!
Но если... Если въ замкѣ томъ
Она томится подъ замкомъ,
И ждуть ее—и судъ и казнь!
О, сердце сжавшая боязнь!
О, ужасъ, впившійся въ мечты!
Но что во тьмѣ?.. Кто близко?.. Ты?“

Лицо закрывъ густой фатой,
Въ одеждѣ странницы простой,

Какъ черный призракъ черезъ тьму
Гертруда тихо шла къ нему.
И графъ спѣшитъ навстрѣчу ей,
Зоветь небесной и своей,
И ризы влажные края
Цѣлуетъ, счастья не тая,
И шепчетъ, что имъ должно прочь,
Что клонится къ исходу ночь.

Но, словно статуя блѣдна,
Молчитъ въ его рукахъ она
И только льнетъ къ нему нѣжнѣй,
Какъ тѣнь среди другихъ тѣней.
Онъ близостью ея сожженъ,
И страсти, бьющей въ сердцѣ, онъ
Уже не можетъ одолѣть!
Готовъ онъ вмѣстѣ умереть
За мигъ блаженства здѣсь, теперь...
Закатный мѣсяцъ, словно звѣрь,
Взглянулъ на нихъ изъ низкихъ тучъ...
Чу! гдѣ-то близко брызнулъ ключъ...
И вотъ, подъ мѣрный говоръ струй,
Сверкнулъ ихъ первый поцѣлуй!

Безъ клятвъ былъ заключенъ ихъ бракъ.
Свидѣтелемъ былъ строгій мракъ;
Межъ травъ, обрызганный росой,
Стоялъ незримый аналой;
Свѣтили звѣзды имъ съ небесъ;
Пропѣлъ имъ хоръ могучій лѣсъ;
И эльфы, легкіе какъ дымъ,
Привѣтствія шепнули имъ;

И, мимо проходя тропой,
Благословилъ ихъ Царь Лѣсной.

6.

Храня лица спокойный видъ,
Сошелъ на утро Гуго Твидъ
Съ ватагой слугъ въ свою тюрьму.
Чуть факелы вспугнули тьму,—
Всѣ вдругъ поникли головой:
Лежалъ предъ ними трупъ нѣмой.
Была Гертруда хороша,
Какъ будто грѣшная душа
Съ восторгомъ отошла, предъ тѣмъ
Увидѣвъ благостный Эдемъ.
Казалось: спитъ Гертруда, сжавъ
Въ рукѣ пучекъ цвѣтовъ и травъ.
И было явно всѣмъ, что тутъ
Не нуженъ больше грозный судъ!

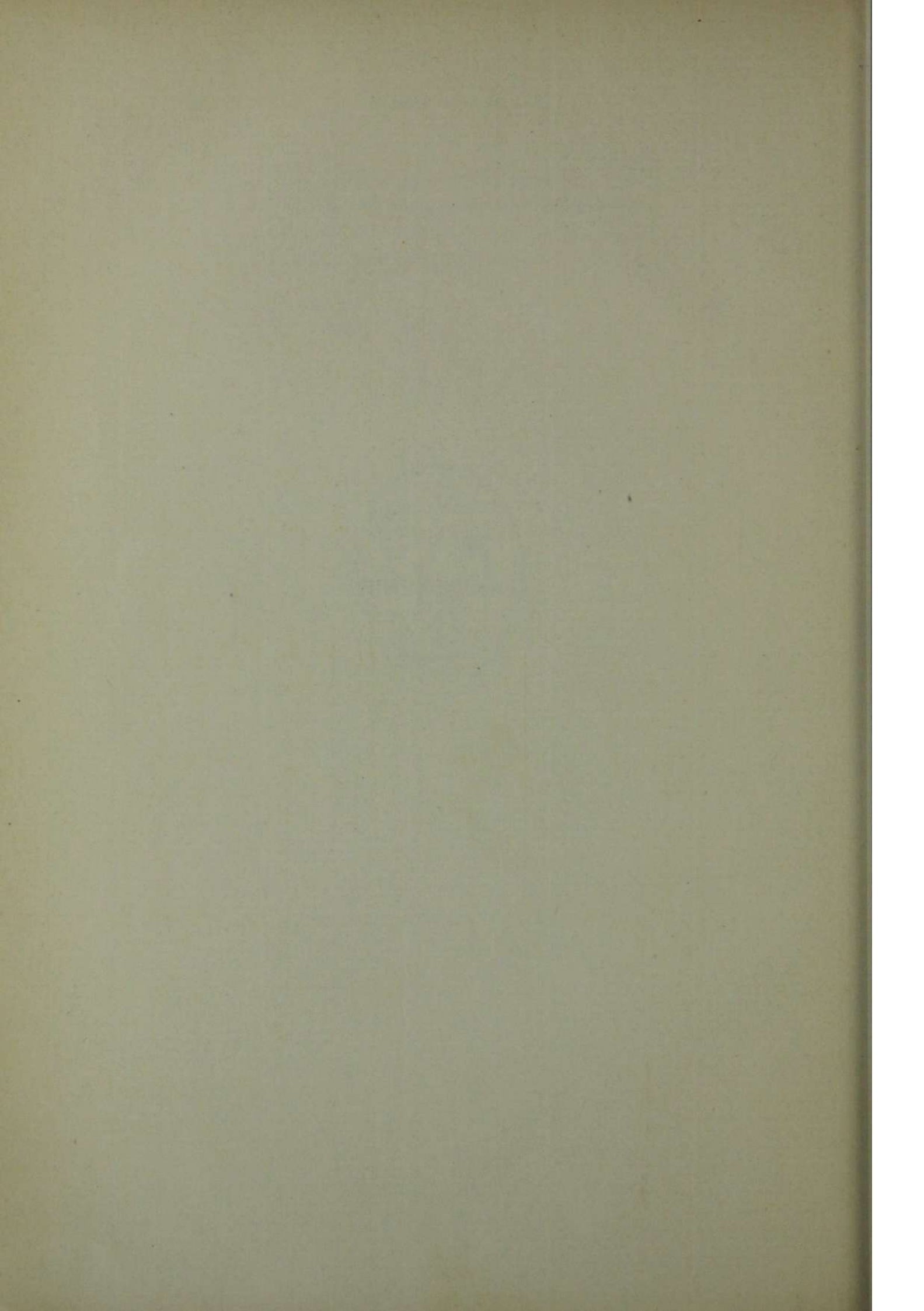
И въ тотъ же день бѣднякъ-пастухъ,
Свирѣлью улаждая слухъ,
Привелъ овецъ къ Проклятымъ Пнямъ,
И трупъ нашель, простертый тамъ.
Графъ Робертъ словно тихо спалъ.
Высокій посохъ и кинжалъ
Лежали близъ, въ травѣ густой.
Былъ графъ прекрасенъ, какъ живой,

Съ улыбкой счастья на устахъ.
Но въ крѣпко стиснутыхъ рукахъ
Съ собой въ могилу онъ унесъ
Прядь золотистую волосъ.

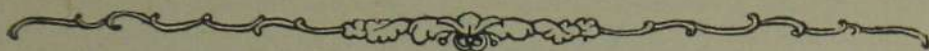
Начато въ 1901 г.
Кончено въ 1907 г.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

1. ОПРАВДАНИЕ ЗЕМНОГО.

АНГЕЛЬ.

Огни твоей земной вселенной—
Какъ тѣнь въ лучахъ иныхъ міровъ!

ПОЭТЪ.

Но я люблю мой духъ надменный
И яркій блескъ моихъ оковъ!

АНГЕЛЬ.

За гранью счастій и несчастій
Есть лучшей жизни небосводъ!

ПОЭТЪ.

Но я хочу, чтобъ темной страсти
Меня крутилъ водоворотъ!

АНГЕЛЬ.

Познаешь, кинувъ міръ случайный,
Какъ сожигаетъ полнота!..

ПОЭТЪ.

Но для меня въ любви—всѣ тайны,
Въ одномъ лицѣ—вся красота!

2. СЪЯТЕЛЬ.

Я сѣятеля трудъ, упорно и сурово,
Свершилъ въ краю пустомъ,
И всколосилась рожь на нивахъ; время снова
Мнѣ стать ученикомъ.

Отъ шума и толпы, отъ славы и привѣтствій,
Бѣгу въ лѣсной тайникъ,
Чтобъ снова приникать, какъ въ отдаленномъ дѣтствѣ
Къ тебѣ, живой родникъ!

Чтобъ снова испытать раздумій одинокихъ
И огненность и ледъ,
И встрѣтить странныхъ грезъ, стокрылыхъ и стоокихъ,
Забытый хороводъ.

О радость творчества, свободнаго, безъ цѣли,
Ко мнѣ вернешься ты!
Мой утомленный духъ проснется въ колыбели
Восторженной мечты!

Вновь, какъ Адамъ въ раю, невѣдомымъ и новымъ
Весь міръ увижу я,
И буду заклинать, простымъ и вѣщимъ словомъ,
Всѣ тайны бытія!

3. ЗВѢЗДА.

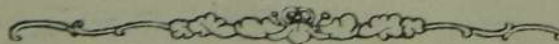
Въ дни юности, на свѣтломъ небѣ,
Призналъ я вѣщую звѣзду,
И принялъ выпавшій мнѣ жребій,
И за моей звѣздой иду.

И въ темномъ мѣрѣ, годъ за годомъ,
Меня кружить и водить Рокъ.
Я видѣлъ предъ эдемскимъ входомъ
Огнемъ пылающей клинокъ;

Я слѣпнулъ въ нестерпимомъ блескѣ
Воздвигнутыхъ Содомомъ залъ;
Я грустной повѣсти Франчески
Въ странѣ, гдѣ нѣтъ надеждъ, внималъ...

Зачѣмъ же въ лабиринтъ всемирный
Тяну я дальше нить свою?
Кому я ладана, и смирны,
И злата— царскій даръ таю?

Не дасть отвѣта свѣточъ горній...
Аль пройденъ и за мной Эдемъ...
И все спокойнѣй, все покорнѣй
Иду я въ нѣкій Виѳлеемъ.

4. ФАЭТОНЪ.

Какъ въ полдень колесница Феба
Стоитъ на ясной высотѣ,
По крутизнѣ земного неба
И я взнесенъ къ своей метѣ.

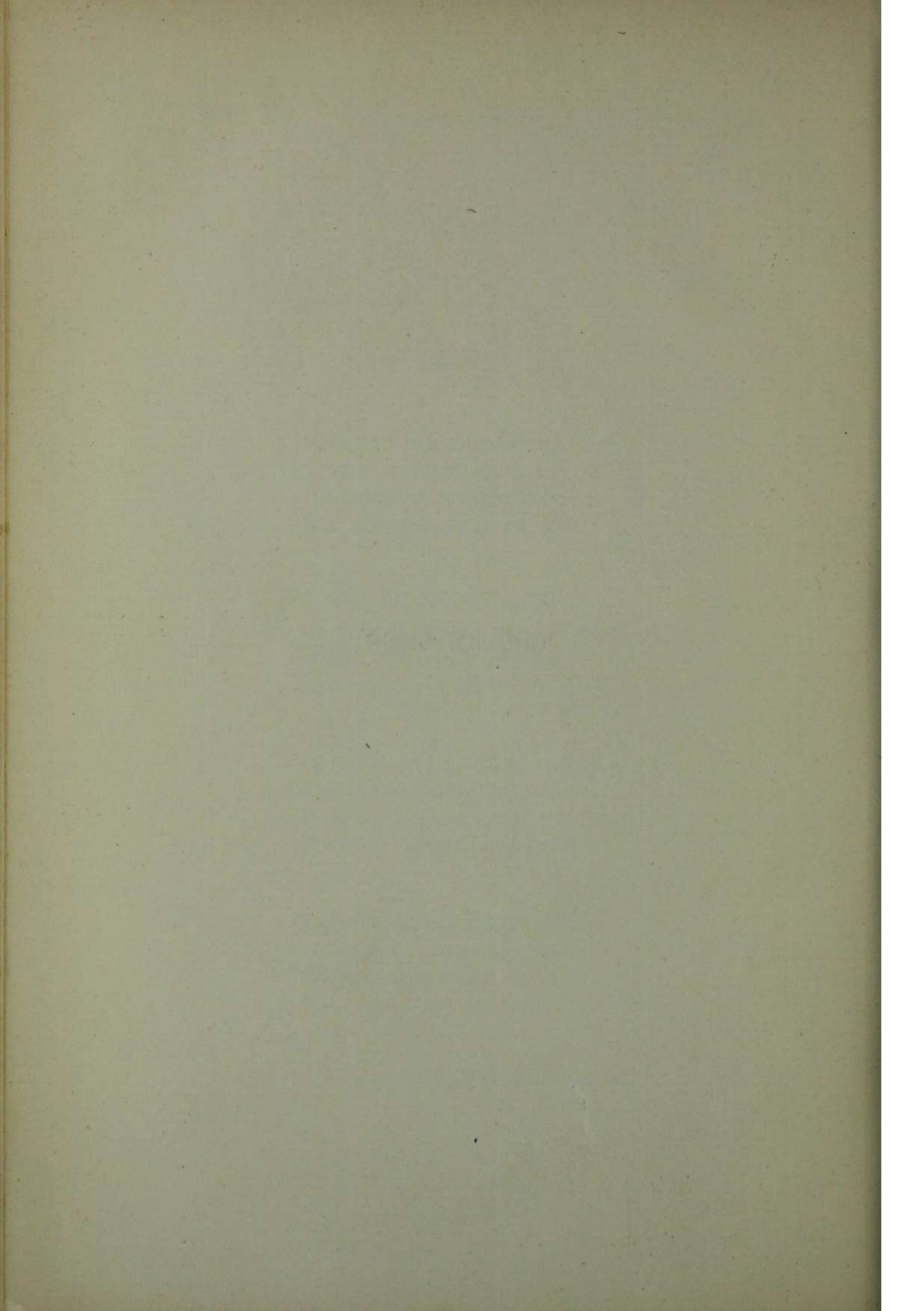
Я вижу съ вѣчнаго зенита
Со всѣхъ сторонъ отвѣсный скатъ,
И мнѣ одна стезя открыта:
Дуга крутая на закатъ!

Быть можетъ, коней не сдержу я,
Какъ древле оный Фаэтонъ,
И звѣри кинутся, ликуя,
Браздить горящій небосклонъ.

Тогда, Кроніонъ, судъ исполни
И гибелью покрой мой стыдъ:
Пусть, опаленъ зубцами молній,
Паду къ ногамъ Океанидъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

БИБЛОГРАФІЯ.

(1906—1909 г.)

I Книги.

Эмилъ Верхарнъ. Стихи о современности. Переводъ. К-во «Скорпіонъ». М. 1906.—Земная Ось. Разказы. К-во «Скорпіонъ». М. 1906.—Лицейскіе стихи Пушкина. Изслѣдованіе по рукописямъ Московскаго Румянцовскаго музея и др. К-во «Скорпіонъ». М. 1907.—Пути и Перепутья. Собраніе стиховъ, т. I. (1892—1901). К-во «Скорпіонъ». М. 1908.—Пути и Перепутья. Собраніе стиховъ, т. II. (1901—1905). К-во «Скорпіонъ». М. 1908.—М. Мэтерлинкъ. Пеллеасъ и Мелизанда и стихи. Переводъ. К-во «Скорпіонъ». М. 1908.—Габріель д'Аннунціо. Франческа да Римини. Трагедія въ 5 д. Переводъ. (Въ сотрудничествѣ съ Вяч. Ивановымъ). К-во «Пантеонъ». Спб. 1908.—Огненный Ангель. Повѣсть XVI вѣка. 2 тома. К-во «Скорпіонъ». М. 1908—1909.—Эмилъ Верхарнъ. Елена Спартанская. Драма въ 4 д. Переводъ. К-во «Скорпіонъ». М. 1909.—Пути и Перепутья. Собраніе стиховъ, т. III. (1906—1909). К-во «Скорпіонъ». М. 1909.—Французскіе лирики XIX вѣка. Переводъ и объяснительныя статьи. К-во. «Пантеонъ». Спб. 1909.

II. Сотрудничество.

А. Журналы и газеты. Вѣсы. (1906—1909). — Золотое Руно. (1906—1907). — Журналь для всѣхъ, Трудовой Путь, Нашъ журналь. (1906—1907). — Образование. (1907—1908). — Современный Міръ. (1907—1908). — Русская Мысль. (1907—1909). — Въ Мірѣ Искусствъ. (1907). — Нива. (1907). — Слово. (1906). — Свобода и Жизнь. (1906). — Утро Свободы, Столичное Утро. Раннее Утро. (1907). — Современная Русь. (1907). — Русское Слово. (1907). — Живописная Нелля. (1907). — The Athenaeum. (1906). — И др.

В. Альманахи и сборники. Факелы. (1906). — Альманахи «Шиповника». (1907—8). — Корабли. (1907). — Хризопрасъ. (1907). — Жизнь. (1908). — Сочиненія М. Мэтерлинка, изд. М. Пирожкова. Спб. 1907. — Сочиненія Пушкина, изд. Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 1908—9. — И др.

С. Предисловія. Шарль Бодлэръ. Цвѣты Зла. Перев. Элиса. К-во «Заратустра». М. 1908.

Д. Антологіи. Родная поэзія. Сост. И. Скворцовъ. Спб. 1905.—Послѣ Пушкина. Изд. 2-е «Русской Мысли». М. 1907.—Русская Муза. Сост. П. Я. Изд. 2-е, Спб. 1904, и 3-ье, Спб. 1908.—Чтець-декламаторъ. Изд. И. Слмоненко. Кіевъ, 1906; то-же, томъ III, Кіевъ 1908. — «Въ борьбѣ». Сборникъ К-ва «Борьба». Спб. 1906. — Пѣснь о рабочемъ народѣ. Сост. И. Горбуновъ-Посаловъ. К-во «Посредникъ». М. 1907.—«Салонъ» Спб. 1908.—Литературный Календарь-альманахъ 1908 г. Спб.—Избранныя произведенія русской поэзіи. Сост. В. Бончъ-Бруевичъ. Спб. 1909.—Книга о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія. Подъ ред. М. Гофмана. Спб. 1909. — Хрестоматія для школъ драматическаго искусства. Сост. А. Фелотовъ. Ч. I. Изд. К. Тихомирова. М. 1909.

III. Переводы.

1. Стихи (изъ числа вошедшихъ въ этотъ томъ):

А. На нѣмецкій языкъ. А. Элиасберга: «Зажглись электричествомъ луны», «Освобожденіе», «Встрѣча» (изъ «Надписей къ гравюрамъ»), «Геспериловы салы» (Russische Lyrik der Gegenwart, deutsch von Alexander Eliasberg. R. Piper Verl. München und Leipzig, 1907).

В. На шведскій языкъ. Альфреда Іенсена: «Къ Швеціи», «На Мэларѣ» (Stockholms Dagblad, 11 ноября 1906).

С. На французскій языкъ. А. Мерсеро: «Голось Города». (Poesia, 1909). — Анонима: «За утесомъ», «Освобожденіе», «Встрѣча» («Золотое Руно», 1906, № 3).

2. Проза:

А. На нѣмецкій языкъ. Максимилиана Шика: «Теперь, когда я проснулся», рассказъ (Das Magazin für Litteratur, 1906, № 16), «Святочный рассказъ» (Das Leben 1906, № 24). — Ганса фонъ Гюнтеръ. «Земная Ось». 7 рассказовъ. (Valerius Brjussov. Die Republik des Südkreuzes. Novellen. Verl. v. Hans von Weber. München, 1908). — Его же. «Земля». Сцены будущихъ временъ. (Valerius Brjussov. Erduntergang. Tragödie künftiger Zeiten. Verl. v. Hans von Weber. München 1909).*

* «Гимнъ смерти», входящій въ драму «Земля», переведенъ на нѣмецкій языкъ также Георгомъ Бахманомъ (St. Petersburger Zeitung. Montagsblatt, 1908, 10 apr.)

«Огненный Ангель». Повѣсть XVI в. (Переводъ печатается въ изд. Hans von Weber).

В. На французскій языкъ. А. Тастевена: «Карль V». Статья. («Золотое Руно» 1906, № 4).

С. На латышскій языкъ. А. Аустрица. «Въ подземной тюрьмѣ». Разказъ («Latvija», 1907). — «Огненный Ангель», повѣсть XVI в. («Stari», 1908).

Д. На голландскій языкъ. Анни де Граафъ. «Земля». Сцены будущихъ временъ. («Еуропа», 1908, № 1—3).

Е. На шведскій языкъ. Альфреда Йенсена. «Земля». Отрывки. («Ord och Bild», 1906, № 11).

ПРИМѢЧАНІЯ.

«Стихи на изразцахъ». На старинныхъ русскихъ изразцахъ, которые можно видѣть въ музеяхъ, дѣлались обычно, въ формѣ краткихъ стихотворныхъ изрѣченій, подписи къ изображеннымъ картинкамъ. Авторъ стихотворенія сдѣлалъ попытку составить изъ этихъ подписей одно связное цѣлое.

«Къ Мѣдному Всаднику». Для пониманія нѣкоторыхъ выраженій въ этомъ стихотвореніи надо возобновить въ памяти «петербургскую повѣсть» Пушкина о «бѣдномъ Евгеніи» и стихи Тютчева «Декабристамъ»:

... О жертвы мысли безразсудной!
 Вы уповали, можетъ быть,
 Что станетъ вашей крови скудной,
 Чтобъ вѣчный полюсь растопить!
 Едва дымясь, она сверкнула
 На вѣковой громадѣ льдовъ:
 Зима желѣзная дохнула,
 И не осталось и слѣдовъ.

«Посланія». Авторъ извиняется передъ читателями, сознавая, что для нихъ могутъ быть непонятны отдѣльные намеки въ стихотвореніяхъ этого отдѣла. Для объясненія ихъ потребовался бы комментарий, въ наше время еще неумѣстный.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихи, появляющіеся въ печати въ первый разъ, отмѣчены звѣздочкой.

Предисловіе къ III тому vii

ВСѢ НАПѢВЫ.

(1906—1909 г.)

Поэту 3

I. Элегии и буколики.

Одиночество 7

Вечеровыя пѣсни.

Сумерки 9

Февраль 10

У гроба дня —

Вечеръ среди снѣговъ 11

Быть безъ людей 12

На гранитахъ.

Къ Швеціи 13

На Мэларфъ 14

Стокгольмъ 15

На гранитахъ —

Въ морф 16

Угрюмый часъ 17

На Готландфъ 18

Висби —

Прибой 19

Эхо 20

Въ шхерахъ 21

Въ полф.

Вѣкъ за вѣкомъ 22

* Весенній дождь 23

Радуга 24

Августъ 25

Въ лугахъ 26

Осеннее прощаніе Эльфа 27

Мгновенія.

Часъ воспоминаній	29
Который разъ	30
Грустный вечеръ	31
Сны	32
* Усталость	33
* Ангель благого молчанія	34
* Ликоръ. (Сонетъ)	35

II. Эротина.

Отреченіе. (Секстина)	37
<i>"Ερωσ ἀνίκατε μάχαν.</i>	
Встрѣча	41
* Неизбѣжность. (Октавы)	42
* Ея колѣни. (Рондо)	43
Лишь одного! (Газелла)	—
* Призракъ неизбѣжный. (Тріолеты)	44
* Въ потокѣ	45
Благословеніе	46
Къ Пасифаѣ. (Сонетъ)	47

Мертвая любовь.

Ранняя осень	49
На нѣжномъ ложѣ	50
* Снова	51
* Въ полночь	52
Холодъ	54
Умирающій костеръ	55
Изъ тихихъ безднъ	—

Обреченный.

Голосъ	57
Отвѣтъ	58
Осенью	—
Лунный дьяволъ	59
Себастьянъ	60
Видѣніе	61
* Бой	62
La belle Dame sans merci	63

Сонаты.

Обрядъ ночи	65
* Возвращеніе	69

III. Въ эпическомъ родѣ.

Жизнь	75
Надписи къ гравюрамъ.	
За утесомъ	77
Освобожденіе	78
Встрѣча	79
Монахъ	80
Noli me tangere, Maria	81
Видѣнія.	
Повольникъ	83
* Русалка	84
Самоубійца	85
* Голосъ мертваго	86
* Побѣгъ пастуха	87
* Стихи на изразцахъ	88
* Жалоба героя	89
* Триумфаторъ	—
Женщины.	
Заклинаніе	91
Ожиданіе	92
Весенняя пѣсня дѣвушекъ	93
Уголекъ	94
* Раздумье дѣвушки	95
* Наша тѣнь	96
Въ томъ же паркѣ	97
Въ городѣ.	
* Голосъ города	99
Городу	100
* Балъ	102
Уличная	103
Вечерній приливъ	140

IV. Оды и посланія.

Хвала Человѣку	109
Правда вѣчная кумировъ.	
Оры	113
Гесперидовы сады	114
Дедаль и Икаръ	116

Одиссей.	118
* Эней.	120

Привѣтствія.

Къ Мѣдному Всаднику.	123
Карль XII.	124
Къ собору Кэмпера.	125
Опять въ Венеціи.	126
* На форумѣ.	127
Надъ океаномъ.	128

Современность.

Служителю музъ.	131
Флореаль 3 года.	132
Духъ земли.	133
Нашъ демонъ.	—
Кому-то.	135

Посланія.

М. А. Врубелю.	137
* З. Н. Гиппиусъ.	138
* Андрею Бѣлому.	139
Михаилу Кузмину.	141
* Равному.	142
* Возсоздателю.	—
* Встрѣчной.	143
* Е. Т.	144
* Начинающему.	145

Исполненное обѣщаніе.

Исполненное обѣщаніе. (Романтическая поэма).	149
--	-----

Заключеніе.

Оправданіе земного.	165
Сѣятель.	166
* Звѣзда.	167
Фаэтонъ.	168

Библиографія.

Библиографія.	171
-----------------------	-----

Виньетки—по стариннымъ гравюрамъ съ античныхъ камней.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПИОНЪ»

Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23.

КАТАЛОГЪ КЪ МАРТУ 1909 г.

I. СТИХИ.

- Ю. Балтрушайтисъ.** Жатва Дня. Печатается.
- К. Д. Бальмонтъ.** Полное собраніе стиховъ.
Томъ I. (Подъ сѣвернымъ Небомъ, Въ безбрежности, Тишина).
М. 1909 г. Изданіе третье. Ц. 2 р.
Томъ II. (Горящія Зданія). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изданіе третье. М. 1908.
Ц. 1 р. 50 к.
Томы IV, V, VI, VIII, IX готовятся къ печати.
Томъ VII. (Жарь-Птица). Фронтисписъ К. Сомова. М. 1907. Ц. 2 р.
Томъ X. (Хороводъ временъ). М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Александръ Блокъ.** Нечаянная Радость. Второй сборникъ стиховъ. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Валерій Брюсовъ.** Пути и перепутья. Собраніе стиховъ. 1892—1908 г.
Томъ I. Стихи 1892-1901 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse. Tertia Vigilia). Вторая тысяча. М. 1907 г. Ц. 2 р.
Томъ II. Стихи 1902-1905 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos). М. 1908. Ц. 2 р.
Томъ III. Стихи 1906-1909 гг. (Всѣ Напѣвы). М. 1909 Ц. 2 р.
- Ив. Бунинъ.** Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905 г. Ц. 1 р.
- Андрей Бѣлый.** Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 2 р.
- Поль Верлэнъ.** Гимны, пѣсни и исповѣди. Въ переводъ Валерія Брюсова. Печатается.
- Эмиль Верхарнъ.** Стихи о современности. Переводъ Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна, работы Т. ванъ Риссельберга. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.
- Юрій Верховскій.** Разныя стихотворенія. М. 1908. Ц. 80 к.
- З. Н. Гиппиусъ.** Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ.** Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ.** Cor Ardens. Speculus Speculorum. Эросъ. Обложка К. Сомова (хромолитографія). Выйдетъ въ мартъ 1909 г.
- М. Кузминъ.** Сѣти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

- Ив. Коневской.** Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій, съ портретомъ автора. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904 г. Ц. 2 р.
- Д. С. Мережковскій.** Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоръ Сологубъ.** Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Оскаръ Уайльдъ.** Тюремная баллада. Переводъ К. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904 г. Ц. 50 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

- Валерій Брюсовъ.** Земная Ось. Разказы и драматическія сцены. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Валерій Брюсовъ.** Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. 2 т. Обложка по современной гравюрѣ. М. 1908—9. Ц. за оба тома 3 р.
- Андрей Бѣлый.** Сѣверная симфонія (1-я, героическая) въ 4 частяхъ. Обложка по рисунку Обри Бердслея. М. 1904 г. Ц. 75 к.
- Андрей Бѣлый.** Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Обл. А. Федотова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Кнутъ Гамсунъ.** Съ еста. Очерки и разказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р.
- М. Кузминъ.** Разказы и повѣсти. 2 тома. Готовятся къ печати.
- Жагадисъ.** Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1905 г. Ц. 65 к.
- Эдгаръ По.** Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта.
Томъ I. Поэмы, сказки. Печатается второе изданіе.
Томъ II. Разказы, статьи. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.
Томъ III. Страшные разказы, гротески. Печатается.
- Ст. Пшибышевскій.** Собраніе сочиненій.
Книга I. Homo Sapiens. Романъ въ 3 частяхъ. Пер. М. Семенова. Изд. 2-е. М. 1904 г. Обложка Н. Теофилактова. Ц. 2 р. 40 к.
Книга II. Pro domo tua. De profundis. У Моря. Сыны Земли (романъ въ 3 ч.) и др. Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. М. 1905 г. Обложка Е. Надельмана. Ц. 2 р. 40 к.
Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Теофилактова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.
Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Пер. М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 1 р.
Книга V. Статьи. Печатается.

Ст. Шибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Пер. Е. Троповскаго. М. 1905 г. Ц. 50 к.

Федоръ Сологубъ. Жало Смерти. Разказы. М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

III. ДРАМЫ.

Габріэль д'Аннунціо. Трагедіи. „Мертвый Городъ“, „Джіоконда“, „Слава“. Переводъ съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи Валерія Брюсова. Поступитъ въ продажу въ февралѣ 1909 г. Ц. 80 к.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. М. 1909 г. Ц. 50 к.

Зигмунтъ Красинскій. Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. Ц. 60 к.

Л. Зиновьева-Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

Шарль Ванъ-Лербергъ. Панъ. Они почувяли. М-ше Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Теофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.

Шарль Ванъ-Лербергъ. Они почувяли. М-ше Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.

Морисъ Мэтерлинкъ. Пеллеасъ и Мелизанда и Стихи. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Мэтерлинка и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Ст. Шибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунеллески. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. Ликиардопуло и А. Курсинскаго. Съ 3 портретами О. Уайльда. Ц. 80 к.

Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія („Парацельсъ“, „Подруга“, „Зеленый попугай“). Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900 г. Ц. 60 к.

IV. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Андрей Бѣлый. Арабески. Сборникъ статей по теоріи символизма. Печатается.

Г. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго. М. Семенова. М. 1902 г. Ц. 70 к.

- Н. Лернеръ.** Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р.
- Д. С. Мережковскій.** Гоголь и чортъ. Изслѣдованіе. Обложка Н. Теофилактова. М. 1906 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Письма Пушкина и къ Пушкину.** Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Арт. Симонсъ и Робертъ Россъ.** Обри Бердслей. Авториз. переводъ М. Ликиардопуло. Съ портретомъ О. Бердслея и воспроизведе-ніемъ его рисунковъ. Печатается.

V. АЛЬМАНАХИ.

- Сѣверные цвѣты** на 1901 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901 г. Ц. 1 р.
- Сѣверные цвѣты** на 1902 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902 г. Ц. 1 р.
- Сѣверные цвѣты.** Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, рассказы, статьи: К. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппіусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковскаго, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевского, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ѳ. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904 г. Ц. 3 р.
- Сѣверные цвѣты Ассирійскіе** на 1904—5 г. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три Разцвѣта“, драма К. Бальмонта, „Земля“, сцены изъ будущаго времени Валерія Брюсова, „Танталь“, трагедія Вяч. Иванова, стихи и рассказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ѳ. Сологуба, Н. Минскаго, З. Гиппіусъ, М. Криницкаго, Ю. Череды, Л. Зиновьевой-Аннибалъ и др. Обложка и всѣ украшенія Н. Теофилактова. М. 1905 г. Ц. 3 р.

VI. АЛЬБОМЫ.

- Н. Теофилактовъ.** 65 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, одноцвѣтной и многоцвѣтной автотипіей). М. 1908 г. Ц. 3 р.

VII. ЖУРНАЛЫ.

- Вѣсы** за 1904, 1905, 1906, 1907 и 1908 гг. Каждый годъ 12 №№, свыше 1000 стр. текста, съ рисунками (черными или въ нѣсколько красокъ) на отдѣльныхъ листахъ, художественными обложками и оригинальными виньетками. Каждый годъ представ-

ляетъ обзоръ культурной жизни всей Европы и подробную библиографію книгъ, вышедшихъ за этотъ періодъ на европейскихъ языкахъ. При каждомъ годѣ данъ алфавитный указатель помѣщенныхъ произведеній и разобранныхъ книгъ. Цѣна комплекта: за 1904, 1905 и 1906 г. безъ пересылки по 6 р. (5 р.); за 1907 г., въ виду незначительнаго числа оставшихся экземпляровъ, 10 р. (8 р.) безъ пересылки; за 1908 г. — 7 р. (6 р.) безъ пересылки. При покупкѣ полного комплекта, за всѣ пять лѣтъ, цѣна 32 р. (25 р.) безъ пересылки. Пересылка за счетъ заказчика по дѣйствительной стоимости.

РАСПРОДАНЫЯ ИЗДАНЫЯ.

- К. Д. Бальмонтъ. Будемъ какъ Солнце. М. 1903 г.
 Валерій Брюсовъ. *Tertia Vigilia*. Стихи 1897—1900 гг. М. 1901 г.
 Валерій Брюсовъ. *Urbi et Orbi*. Стихи. 1900—1903 гг. М. 1904 г.
 Валерій Брюсовъ. *Stephanos*. Стихи. 1904—1906 гг. М. 1906.
 Андрей Бѣлый. Симфонія. (2-я, драматическая). М. 1902.
 А. Добролюбовъ. Собраніе стиховъ. Предисловіе Валерія Брюсова и Ив. Коневского. М. 1900 г.
 Кнутъ Гамсунъ. Панъ. Пер. С. Полякова. М. 1902 г.
 Генрикъ Ибсенъ. Когда мы, мертвые, проснемся. Пер. С. А. Полякова и Ю. Балтрушайтиса. Изд. I и II. М. 1900 г.
 Лукрецій Каръ. О природѣ вещей. Перевелъ И. Рачинскій. М. 1904 г.
 М. Кузминъ. Крылья. Изд. I и II. М. 1907.
 Д. Мережновскій. Любовь сильнѣе смерти. М. 1902 г.
 М. Мэтерлинкъ. Избіеніе младенцевъ. Пер. Вал. Брюсова. М. 1904 г.
 А. Л. Миропольскій. Лѣтвица. Предисловіе Валерія Брюсова. М. 1902 г.
 Э. По. Разказы и стихи. Перев. К. Бальмонта. Т. I. М. 1901 г.
 Сѣверные цвѣты на 1903 г. Обложка Л. Бакста. М. 1903 г.

Подписчики „Вѣсовъ“ пользуются при выпискѣ черезъ редакцію изданій к-ва „Скорпіонъ“ скидкой отъ 15 до 50% при пересылкѣ за счетъ книгоиздательства.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкою за счетъ книгоиздательства. Деньги, причитающіяся за заказываемыя изданія, просятъ высылать впередъ—при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежомъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себя гг. заказчики.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпіонъ“ и редакціи журнала „Вѣсы“: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23 (телефонъ 50—89). Изданія к-ва „Скорпіонъ“ можно также получать въ книжномъ складѣ „Складчина“, Петербургъ, Екатерининская, 4, и въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ“, Петербургъ, Садовая, 18.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ

«ВѢСЫ»

1909. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТОЙ.

Въ 1909 году „Вѣсы“ издаются подъ прежней редакціей и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, но въ увеличенномъ объемѣ и по значительно расширенной программѣ.

„Вѣсы“ въ отдѣлѣ **беллетристики** даютъ только произведенія чисто-художественныя, отвергая всякое полу-искусство, всѣ созданія, въ которыхъ художественность является лишь средствомъ. Въ **критическомъ и библиграфическомъ** отдѣлѣ „Вѣсы“ оцѣниваютъ со своей точки зрѣнія всѣ сколько-нибудь выдающіяся явленія литературы, русской и иностранной. Въ этомъ отдѣлѣ приглашены къ участию въ „Вѣсахъ“ дѣятели литературъ французской, нѣмецкой, англійской, итальянской, скандинавской, польской и др. Въ отдѣлѣ **искусствъ** „Вѣсы“ даютъ критическіе отчеты о художественныхъ выставкахъ, наиболѣе замѣчательныхъ спектакляхъ и концертахъ. Въ каждомъ № „Вѣсовъ“ помѣщаются снимки съ картинъ и рисунковъ, русскихъ и иностранныхъ художниковъ, исполняемые какъ въ черныхъ тонахъ, такъ и въ нѣсколько красокъ (литографіей, фототипіей, трехцвѣтной автотипіей и т. д.).

Въ „Вѣсахъ“ принимаютъ участіе: К. Бальмонтъ, Ю. Балтрушайтисъ, А. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Бѣлый, Эмиль Верхарнъ, Н. Волошинъ, З. Гиппиусъ, Ренэ Гиль, В. Гофманъ, И. Грабарь, Н. Гумилевъ, Реми де Гурмонъ, Вячеславъ Ивановъ, В. Каллашъ, А. Кондратьевъ, С. Кречетовъ, М. Кузминъ, Н. Лернеръ, М. Ликиардопуло, Д. Мережковский, Н. Минскій, Дж. Папини, Н. Петровская, А. Ремизовъ, Б. Садовской, Ѳ. Сологубъ, С. Соловьевъ, К. Чуковский, Максимилианъ Шикъ, А. Эліасбергъ, Эллисъ, П. Эттингеръ и мн. др.

„Вѣсы“ выходятъ 12 разъ въ годъ, въ концѣ cadaго мѣсяца, тетрадями въ 100 страницъ и болѣе.

Условія подписки. Годъ съ доставкой и пересылкой по всей Россіи— пять рублей, полгода— три рубля; за границу годъ семь рублей. Адресъ: Москва, Театральная площадь, д. Метрополь, кв. 23. Телефонъ 50—89.

Подробные проспекты высылаются бесплатно.

Редакторъ-издатель С. А. ПОЛЯКОВЪ.

